

Виктор Новоселов

ЦИКЛИЧНОСТЬ

16+

Виктор Новоселов

Цикличность

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Новоселов В.

Цикличность / В. Новоселов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Представьте себе, что существует мир, полный чудес. Мир, в котором при помощи сотворенного чуда можно мгновенно исцелить страшную хворь или победить злейшего врага. Замечательно, правда? А теперь представьте, что за каждое чудо, сотворивший его, лишается части своей души, медленно увядая. И теперь это уже вовсе не идеальный мир. Это мир постоянных междоусобных войн, подлости и борьбы за власть. Мир, грубо подчиненный воле тех, кто может творить чудеса. Его постоянно потрясают восстания, кровопролитные битвы и эпидемии. Что же ждет этот мир в будущем? Процветание или упадок?

Содержание

1. Джесс	5
2. Исан	8
3. Строккур	12
4. Исан	14
5. Веллес	16
6. Роккар	19
7. Строккур	24
8. Исан	27
9. Роккар	34
10. Исан	41
11. Джесс	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Виктор Новоселов

Цикличность

1. Джесс

«Мир наш изменчив и непредсказуем, словно горная река весной.
Вчера нами правил один король, сегодня другой, а на завтра королей уже не хватит.
Твой дом чрез сотню лет переменится или вовсе исчезнет.
Дети детей твоих детей будут помнить лишь имя твое.
А дети детей их детей не вспомнят и его.
Но душа твоя продолжит вечное странствие в этом мире.
Посему велик тот, кто добровольно лишает себя ее, во имя человеческого блага».
Гийом Морби «История Северной Страны».

862 год со дня Возрождения. К югу от перевала. Главный северный тракт.

Капля дождя угодила мне прямо за ворот. Я поежился, поправил свою красную накидку и тихо ругнулся. Хорошо бы сейчас в теплые хоромы, да чего-то горячего съесть. Но в сотне верст вокруг нет ни одной захудалой деревушки, ни одного покошенного постоянного двора. Занесла же нас судьба в эти дремучие края. Полное запустение. За ту неделю, что мы начали подниматься в горы, по дороге все больше заброшенных селений видели, чем обжитых. И тишина. Только ночью слышно как звери в лесу шумят. И то, делают это как-то странно, боязливо. Будто бояться, что их услышат.

В дороге всегда встречаешь каких-нибудь людей. То просто нагоняешь попутчиков, и вы сбиваетесь в кучу, чтобы спокойней было. То наоборот, набредаешь на лихих ребят с большой дороги. Те, конечно, видя мою накидку и белые штандарты учителя – не нападают. Но все равно, замечаешь какие-то приметы: стоянки, следы, потушенные костры и так далее. То, почему можно судить о том, что здесь недавно был человек. На этом же тракте за целую неделю нам ничего подобного не попало.

Один раз я ушел немного вперед с дозором, дорогу разведать. Я вообще люблю солдатам помогать. Учитель на это смотрит сквозь пальцы, хотя, вроде как, статус чудотворца не потворствует с наемниками дело иметь.

Так вот, ушли мы шагов на триста вперед, и увидел я мужика, что брел по тропе. Честно скажу, прям обрадовался. Наконец, хоть кто-то встретился. Окликнул – нет ответа. Не сразу догадался я, кого вижу, все звал этого мужика. А он сухим оказался. Одна оболочка, жизни в ней нет. Я сухому помог, конечно, упокоится окончательно. Однако, раз сухие свободно прямо по тракту бродят, значит сюда даже судьи не заглядывают. А для них это важное дело – по миру сухих искать. Они иногда плошают, конечно, но чтобы прямо на северном тракте встретился сухой, такого я и не слышал даже. Поганое здесь место – мертвое.

А еще этот мерзкий, холодный дождь, что шел уже битых три дня с редкими перерывами. Дороги размыло напрочь. Один из кучеров вчера за ужином сказал, что даже если дождь прекратится прямо сию секунду, то еще два дня будем ждать, чтобы дорога хоть немного подсохла. А потом, как дойдем до перевала, будем еще там торчать невесть сколько, пока подвернется возможность через горы перемахнуть. И, главное еще до начала холодов успеть, ибо зимой через перевал не ходят.

Когда ливень только начался, мы еще как то сопротивлялись непогоде, шли вперед. Но потом увязли окончательно, и стали лагерем в этом заброшенном селении. Вояки очень лихо

один дом подлатали, там и расквартировались. Но там от порядочного дома только крыша-то и есть, все равно сыро, заплесневело и холодно. Вон половина отряда уже начали стыть и заболеть. Люди из obsługi не стали что-то грандиозного замышлять – прямо на повозках укрылись. А учитель, по неясной причине, приказал шатер разбить в разрушенном храме. Будет, мол, там ему спокойнее. Храм этот был разрушен настолько, что я даже не мог определить, в честь кого он был воздвигнут. Да, если честно, без подсказки я бы даже не смог сказать, что это храм.

Исан сказал, что строение похоже на старый храм адептов. И, скорее всего, он опустел около тысячи лет назад. Однако учителя это не отвало от его странного бдения. Исан на это лишь что-то проворчал, но не стал спорить с учителем.

Сейчас, когда учитель почти высох, моей подготовкой все больше занимается Исан. Природа не позволила ему одеть красную накидку, и ему приходится нести свое бремя, облаченным в белое одеяние. Людская масса так запросто и обзывала их «белыми». Хотя, формально, человек в белой накидке носил гордый титул вельможи «Ордена Чудотворцев». «Красные» тоже входили в этот орден, но не могли носить титул выше подмастерья. Однако во все эти перипетии вникали только сами «белые» и «красные». Обыватели же одинаково шарахались в стороны и при виде белых накидок, и при виде красных. Но «белых» все же боялись куда больше, чем нас. Они намного могущественней нас, практически всеильны. Но взамен они обречены высохнуть, расстаться со своей бессмертной душой.

При входе в небольшие города и села, чудотворцы старались прятать свои накидки, чтобы не выдать себя. Но человек, пробывший «белым» долгое время, приобретал внешние признаки высыхания, которые ни с чем нельзя было спутать.

Исан, кажется, ненавидел меня за то, что мне моим естеством даровано то, ради чего он принял свою страшную участь. Я чувствовал эту неприязнь в воздухе, когда разговаривал с ним. Особенно она ощущалась во время тренировок на мечах. Только воспитание и дисциплина не позволяли ему проявлять свою вражду открыто. Я точно знаю, когда учитель высохнет – Исан исчезнет. Еще не успеет упокоится телесная оболочка учителя, как этот заносчивый чудотворец уже будет на полпути к Столице.

Сзади кто-то зашептал. Видимо учитель проснулся, вспомнил, что у него вообще то сегодня по плану знакомство с корреспонденцией из Секретариата, и забормотал какие-то неразборчивые слова. Бедный старик, я знал его сильным мужчиной, великим «белым». Он нашел меня в разрушенной столице запада, городе, что носит имя – Терриал. Мне в ту пору было всего-то десять лет от роду. Хотя, по меркам «белых», я уже был слишком стар для начала обучения.

В те годы учитель пребывал на вершине своего мастерства, но уже обзавелся первыми признаками утраты души – глаза его почернели, волосы заметно поредели, а сосуды под кожей начали темнеть. Ему уже не надо было носить накидку, чтобы все знали, что он – чудотворец. Но он еще не начал увядать, и его еще ни разу его не допрашивали судьи. Учитель забрал меня с собой, в Столицу, где я и поступил под его начало.

С тех пор миновало еще десять лет. Все эти годы я был его учеником, семь лет назад я получил свою красную накидку и навет от главы Ордена Чудотворцев: «Учится у господина, покуда он не высохнет, а потом поступить во служение другому чудотворцу».

И вот теперь мой любимый учитель почти высох. Его душа почти истощилась. Я думаю, что если он возьмет свой посох и зажжет им свечу, то высохнет окончательно в туже секунду. За спиной раздался шорох, затем в палатке жалобно застонали. Я порывался войти, но знал, учитель обидится. Он сам прекрасно понимал свою немощь, но жалости к себе не допускал. Он знает, что это его последнее путешествие, назад в Столицу ему уже не вернуться.

Учитель страдал. Глаза его потеряли возможность видеть, и были перемотаны повязкой чтобы не пугать простой люд. Так бывает, когда человеку осталось совсем недолго до высыхания. Учитель мог сносно видеть и без глаз, чудотворцы специально изучают особую практику,

чтобы в конце жизненного пути, лишившись глаз, оставаться зрячими. Это иссушало их еще больше, но слепой «белый» становился абсолютно беспомощным, несмотря на всю свою былую силу. Передвигался учитель очень тяжело, но упорно отвергал любую помощь. В его теле души осталось совсем немного. Боюсь, что со дня на день он специально сотворит какое-то чудо, чтобы высохнуть окончательно. И тогда я останусь совершенно один.

Очень тяжело видеть, как увядает тот, кто тебе дорог. Но таков удел всех тех, кто надел белую накидку. Сейчас он в своем шатре, вслух зачитывает текст какого-то донесения, тратя на это последние силы. При этом мы находимся в святыне давно забытых богов. Наверно – это отчаяние. Отказ от смирения в последние дни. И мне очень тяжело видеть самого близкого мне человека в таком положении.

2. Исан

«Природа сухого известна и понятна. Его рождение начинается либо со страшного горя, либо с великой жертвы. Пустое тело без души – самая непоэтичная вещь в этом мире. И называемая сухого – вещью, я не преуменьшаю ни жертв его, ни страданий. Ибо есть он сосуд пустой, сосуд из которого утекла жизнь. Секи голову брату своему, если такая участь постигла его и знай, что милость творишь, а не зло».

Судья Малех Селуд «Наставления сомневающимся».

862 год со дня Возрождения. К югу от Перевала. Главный северный тракт.

Вестовой, верное дело, сейчас тоже застрял где-то в лесах из-за непогоды. Мой отчет о встреченном сухом, скорее всего, дойдет до судий тогда, когда от Веллеса уже ничего не останется. Предполагаю, что мы даже не успеем добраться до перевала. Старик очень плох, очень быстро высыхает. Даже быстрее, чем должен. Возможно, это особое влияние внешних сил, с которыми он столь неосторожно сошелся. Его положение незавидно. Однако, надо отдать старику должное, как только меня приставили к нему – он сразу все понял, повел себя как подобает.

Официально, меня прикрепили к нему в качестве личного помощника. Формально я прибыл для вверения мне всех его дел. Одет я был в белое, заверенные бумаги при мне – не придерешься. Но он сразу все осознал и без обиняков сказал мне:

– Я знаю, зачем вы здесь. Вы и ваши коллеги уверены, что это скоро произойдет?

– Если бы мы хоть немного сомневались, меня бы здесь не было. – Заверил я его.

– Могу ли кое о чем просить?

– Джесс?

– Да.

– Я буду помогать ему, пока я с вами. Может, немного дольше, если позволят обстоятельства. Потом мне надлежит вернуться к своим делам. Столица, скорее всего, сама назначит Джессу нового вельможу.

– Я понимаю, но пока я жив...

– До этого момента можете на меня рассчитывать.

Старик улыбнулся мне в ответ. Это был последний раз, когда я увидел улыбку на его лице. Вскоре он потеряет зрение, а сейчас он уже и говорит-то с трудом. Думаю, в мире есть только одна истинная причина, что держит его душу в теле. И это – Джесс. Звучит излишне романтично, но я готов в это поверить.

Парень был ему как сын. Довольно диковинно было видеть такое стремление к традиционным ценностям у столь сильного чудотворца. Все, кто имеет что-то общее с чудесами, принимают обед безбрачия и никогда не заводят семей. И если к безбрачию «белые», особенно еще не подверженные действию чудес, относятся довольно-таки наплевательски, то к запрету на продолжение рода все члены ордена относятся более чем серьезно. Веллес не нарушил прямого запрета, но он воспитывал мальчика с излишней теплотой, а теперь вот нашел в нем смысл своего существования на время упадка души.

Допускаю, что он до сих пор не высох только из-за теплых чувств к Джессу, которые он не умеет в себе побороть. Ну, или старик тянул жизнь из кого-то, пока никто не видит. Веллес очень силен, он вполне может творить подобные чудеса. Однако, я с ними уже второй год, и почувствовал бы, если бы Веллес начал прибегать к таким практикам. Чувать подобное меня тренировали всю мою жизнь. Я ощущаю темные дела за сотню верст. И могу заверить – Веллес все то время, что я его знаю, ничего недостойного не совершал. Более того, не так давно старика вызывали в Секретариат, где его не могли не прощупать мои более искушенные братья.

Сам Джесс был простоватым парнем с запада. В том краю ситуация остается непростой уже третий десяток лет. Джесс был обречен либо замерзнуть в одну из суровых, снежных зим, либо стать бандитом и умереть от арбалетного болта в горле. Но ему, можно сказать, повезло – Веллес обнаружил, что мальчишка родился «красным».

Парень родился в самом страшном месте на всем белом свете, но судьба все-таки сжалась над ним, и он попал в надежные руки. Более того, Джесс оказался весьма талантливым «красным». Обычно эти ребята годны только фонари в порту зажигать, да вино вельможам подносить. А этот юноша был другим, он мог очень многое. Конечно, он никогда не достигнет и половины того могущества, которым располагают «белые», но его успех в чудесах очевиден.

Правда ему стоит внимательнее относиться к тренировкам по фехтованию, ибо «красным» нельзя полагаться только на чудеса. Старый Мисса дает «белым» и «красным» лишь азы боя на мечех. Только мы и судьи получаем полноценную боевую подготовку. Я стараюсь муштровать парня по мере сил, но тому кажется, что я придираюсь к нему.

Я так же стараюсь отбить у Джесса отвратительную мирскую привычку курить табак, чтобы он не терял физическую кондицию попусту, но юнец считает мои искренние порывы – некой мерой наказания.

Большая капля упала с потолка прямо на книгу передо мной. Я попытался было смахнуть каплю со страницы, но только лишь размазал чернила по листу. Досадно. Книга не очень ценная, но любой источник знаний достоин того чтобы его беречь. Я купил эту книгу на базаре в Столице, зов долга не позволил мне пройти мимо книги с названием: «Кошмары. Трактовка». Я, естественно, не рассчитывал получить и крупицу истины. Так и получилось – макулатура.

Никогда не понимал людей, которые пишут книги для развлечения. Просто придумывают сходу какой-то сюжет и рассказывают его на бумаге. Никакой ценности, никакой полезной информации. Я слышал, брат Могг какое-то время считал, что писатели черпают вдохновение не просто из головы, а откуда-то из области наших интересов. Брат Могг некогда имел значительное влияние в Братстве, говорили даже что он непременно войдет в Совет. Но его сгубила именно погоня за фантазиями. Он ничего не добился на этом пути. В конце концов, ему отдали для изучения известного писателя-фантазера, что оказался по совместительству казнокрадом. Могг изучил его вдоль и поперек, сам почти высох, используя против него свои чудеса, а ответ один, человеческий мозг просто имеет такую возможность – воображать. Никаких выходов из тела, никаких переходов в нашу вотчину, просто спонтанный бред.

Могг с тех пор совсем захирел. Уже практически сухой на четвертом десятке. Карьера его была загублена и Могга отправили на восток заниматься непьюльной работой. Но там он и года не протянул, как совсем высох. Говорят, использовал чудеса без надобности, даже со стула без их помощи не вставал.

Так, кстати, сухие. На днях Джесс одного прямо на дороге встретил. Я составил отчет и отправил в Столицу. Судьи всеми силами делают вид, что ничем кроме пыток и казней не занимаются. Это нужно, чтобы люди не переживали из-за того что Секретариат на самом деле контролирует почти все сферы мирской жизни. Каждый шаг любого, кто имеет что-то общее с чудесами, неусыпно ими контролируется. За каждой человеческой трагедией непременно следит специально подготовленный человек. А тут сухой посреди дороги! Такого давно не было. Вероятно, тут имеет место быть простая халатность судий. Но каждый из них прекрасно знает, что такой просчет может стоить ему головы.

Хартия судий. Документ, которого имеют честь прикоснуться немногие. После многих лет тренировок и службы в Секретариате, человек получает право сдать экзамен. И, либо он, наконец, становится судьей и одевает коричневую робу. Либо становится слугой хартии и, получая лишь отличительный знак, отправляется на полевые работы – ловить по кустам адептов.

Так вот, при посвящении в судьи, человек получает право прикоснуться к Хартии судей и читает первую заповедь. «Да буду я убит ближним своим, если допущу оплошность». Сухой прямо на тракте, пускай и довольно пустом – это приговор по первой заповеди судий.

Но, если отместить вероятность простой халатности, то, что все это значит? Скорее всего, он высох недавно, такой вывод вполне можно сделать по внешнему виду высохшего. Но как он забрел так далеко на север? Обычно сухие беспорядочно передвигаются в довольно небольшом радиусе от того места где окончательно теряют свою душу. Варианта всего два, его сюда привезли или он высох неподалеку.

Везти сухого сюда, с первого взгляда, бессмысленно. Но не все так просто. Иногда людей на пороге высыхания используют как сосуд те, кому нужно явить очень сильное чудо. Те, кто жертвует последние силы, получают вечный покой, тот, кто их принимает, творит очень сильное чудо. Я не говорю сейчас о нашем отряде. Веллес слишком слаб для подобной практики. А Джесс – «красный». Тот, у кого и так нет, ни тянуть, ни отдавать не может. Вдобавок мое чутье молчало, а такую серьезную деятельность я ощутил бы за тысячи верст.

Впрочем, сухого могли привезти люди, вовсе не имевшие какой-то корыстной цели. Например, родичи человека, который не справился с утратой, могли попытаться доставить его клирикам или, допустим, травникам для излечения. Не редко, узнав, что тут ничем уже не помочь, родня просто отпускала сухого на все четыре стороны не в силах прервать его страдания. Или он сам во время ночевки отвязывался от повозки и скрывался в ближайшем лесу. Такие случаи имели место быть.

И еще более странно выглядит то, что тот человек высох здесь. Высохнуть человек может в трех случаях: если он пользовался чудесами до тех пор, пока его душа не истощилась, если он попал под воздействие такого мощного чуда, что его душа распалась или он перенес такую тяжкую утрату, что душа не могла более удерживаться в теле.

На севере ничего серьезного несколько последних лет не происходило. Крупные и страшные инциденты педантично фиксировались судьями. Если трагедия не отмечена в архиве Секретариата – значит, она не произошла.

Да и место для каких-либо практик не слишком удачное, любой знает, что на севере веками казнили всех, кто что-то разумел в чудесах. Да, север безоговорочно подчинялся Столице, власть чудотворцев в этих краях никто не оспаривал. Но по сей день тут было довольно темное место в этом плане. Почти все чудотворцы были приезжими. К ним относились со странной смесью презрения и страха. Те в свою очередь старались, едва сделав свои дела, как можно скорее убраться на юг.

Когда я готовился к отъезду, глава судейской коллегии на севере шепнул мне о том, что за последние десять лет по глухим северным деревням сгнули два «белых» и один член Братства. Он ничего конкретно не сказал, но рекомендовал быть более осмотрительным.

Скорее всего, местные жители развесили «пропавших» на деревьях, как украшения к празднику. Для этих краев – это в пределах нормы. Но сухой прямо посреди дороги? Тут что-то другое. Никак не получается найти разумный ответ. Самое очевидное, в том, что на севере действовал чудотворец на грани высыхания. Но я представляю, что сделали бы в первой же деревне с «белым», который пришел туда на пороге высыхания совсем один. Жители бы убили его просто из суеверного страха, думая что он демон во плоти.

Странно все это. Пойду, сменю Джесса на посту. Надо еще раз пощупать Веллеса, вдруг, что почувствую. А старик, кстати, не зря решил здесь расположиться лагерем. Пускай «молитвы» его не те, но место подходящее. Храм Мирры Кошмарной – правильное место. Очень скоро ему, вероятно, предстоит встретиться с ней лично, да и не только с ней.

И я провожу его, помогу проделать последний путь. Может показаться, что я отношусь к Веллесу как к противнику. Но нет, к старику я не испытываю никакой ненависти. Просто

любое столкновение с иной плоскостью бытия может быть опасным не только для него, но и для всех вокруг. Поэтому я и старался держаться обособленно.

Я намеренно не стал объяснять Джессу и остальным, что это за развалины, хотя естественно знал о них многое. Есть вещи, которые лучше не знать и лишний раз не припоминать. Культ Мирры угас уже очень давно, но сама она, вероятно, существует. Кто знает, может, услышит старика – сжалится.

3. Строккур

«Клириков всегда будут считать слабейшими среди чудотворцев. Таков наш рок. Но мы сильны в простых истинах и мирских познаниях. Черный Лист, что растет вдоль дорог, столь же целителен в лихорадке, как и чудеса. Но, сотворив чудо, ты лишишь жизни тех, на кого уже не хватит твоих сил. А применив Черный Лист – спасешь не только больного, но тех о ком еще и помыслить не можешь».

Марта I «Жизнь во спасение. Книга медицины и врачевания»

862 год со дня Возрождения. К югу от Перевала. Главный северный тракт.

Хорошо! Вино приятно плещется в голове, на груди дремлет Мара – наша кухарка, по тенту стучит дождь, а мы лежим в продуктовой повозке, где Мара обустроила нам с ней ложе. Ну как нам, мне и некоторым ребятам из нашего отряда. Надеюсь, в число избранных входил хотя бы не весь отряд и мне не «повезет» что-то подцепить.

Я закашлялся. Чертов отсыревший табак! А другого-то и нет. И вот будь ты проклят, ни одной деревеньки в округе! Джесс, один из чудотворцев, подарил нам небольшой кисет хорошего табака. Но весь он разошелся между командиром и его друзьями. Жадные собаки, все хапают. Когда служил стражником в Столице – таких крыс не видывал. И дернул черт перейти в воинские отряды к «белым». Платят то вдвое, но теперь вот и в Столице бываю пару раз за год. И командиры здесь еще большие ослы, чем прежние. Тут все как на подбор бывшие войки, сами все время в самую трясику лезут и нас с собой прихватить хотят.

Вернусь, попрошусь назад в стражу. Если вернусь, конечно. Страшное дело будет, из Столицы-то точно вышлют. Буду служить где-нибудь на востоке, а то и на запад отправят. От таких мыслей сразу мрачновато стало на душе. Я посильнее прижал к себе Мару и ее мясистые груди, очень теплые и мягкие, быстро выветрили из головы все мрачные мысли. У столичных девок таких сисек не бывает, они там все худые, что жерди. Ладно, может, и не буду просить перевода.

Мара замурчала во сне и ответила на мое объятие. Хороша чертовка, но это профессиональное. Минут через пять по деревянному настилу повозки постучат, значит пришло время смены караула у Мары. Ну а пока можно просто насладиться моментом.

Да, пугают меня эти «белые», если честно. Смотрятся жутко. Старый черт вообще ужасно выглядит. Еще эта повязка на глазах. Б-р-р-р-р. Им детей можно пугать. Да если его просто оставить одного посреди деревни, то местные мгновенно на площадь выведут и сожгут. Так и будет, зуб даю, я сам с этих краев, знаю наши нравы.

Исан. Или как его там? Этот мне еще больше не нравится. Этот на пике могущества. Самоуверенный как царь. Он еще на человека вполне похож, а в глазах уже ничего кроме смерти и нет. Он щелчком пальца весь наш отряд сожжет. Потом весь север мором смертельным затопит каким, а у самого при этом только волосы на голове поредеют. Усы еще себе отрастил, видимо для маскировки. Или у них там, на востоке так принято, не знаю.

Совсем другое дело – Джесс. Но он «красный». Тут все иначе. «Красные» высохнуть не могут. Говорят потому что души нет. Как так? Пес его знает. Его Веллес еще мальчиком нашел в Терриале. Не завидую парню. На западе, с тех пор как они со Столицей сцепились, и жить-то толком нельзя. Думаю, он, поэтому и нормальный, что с народом рос. «Белых» же с младенчества находят и сразу в Столицу увозят. От этого все людское им и чуждо. А Джесс вон и в патрули с нами ходит, и ночует рядом, а не в царских шатрах. Хороший малый, свой.

Надо бы «белым» давать сначала людям хоть немного пожить, а потом уж пусть чудесами своими занимаются. Тогда и любить «белых» будут больше. А то с малых ногтей уже в своей

Цитадели сидят, учатся чудеса делать. Так человек отличным чудотворцем становится, а вот человеком стать забывает.

Кто-то зашуршал о борт повозки. Все, видать мое время вышло. Я поцеловал Мару в щеку. Та, толком не просыпаясь, сунула мне подмышку небольшую бутылку вина и залезла поглубже под одеяло. Я встал и намеренно медленно оделся. Пускай отдохнет красotka, перед следующим гостем. А снаружи кто-то упорно скребся в борта телеги. Вот припекло у кого-то видать! Может кто из новобранцев. Небось, минуто назад только узнал о некоей доступности кухарки. Теперь ломится бедный, в штанах видимо огонь горит.

Я отодвинул полог тента и спрыгнул в лужу, скопившуюся под телегой. Дождь все поливает уж какой день, так перевал до зимы точно не проедем. Хотя, может и повезет, проскочим до холодов. Вообще, уж лучше за перевалом зимовать, там город большой. А в большом городе квартировать всегда приятнее. Хоть рожи каждое утро разные. А если повезет, то и на работу можно подрядиться. Две зарплаты за раз – мечта любого наемника.

Я медленно обошел телегу, чтобы доступно пояснить новоприбывшему, что да как. Заодно вина ему для храбрости в глотку залью...

И тут я остолбенел. Замер прямо с бутылкой в руках. Сухой! Высох совсем недавно. Одежда еще целая, только грязная очень. и кожа еще бледно розовая. А кто давно высох у них кожа коричневая. Он стоял прямо посреди лагеря и упорно скребся в борт телеги. Уже почти полностью соскреб себе плоть с пальцев рук. Я, смотря прямо на него, начал пятиться к дому, где квартировали наши ребята. Сухие сохраняют от себя былых только привычные движения, думать они уже не могут. Однако, у этого на поясе висела рапира. Значит, он может в любой момент начать ей размахивать. Просто по старой привычке.

И тут я наступил на какую-то толи чашку, толи бутылку и раздавил ее. Сухой отскочил от телеги и выхватил рапиру. А я по привычке схватился за невидимый меч. А ведь знал, что он остался в доме у лежанки. Кто ж на свидание берет меч? Это движение было выполнено мышцами, не головой. Тяжело не сделать то, что вбито голову годами муштры.

Сухой, хаотично размахивая руками, побежал на меня. И, буду стесняться этого до конца дней, но мне ничего не оставалось – только заорать что есть мочи. Крик немного смутил сухого. Он замер на пару секунд. Но потом, немного постояв, он снова побежал, правда, немного в другую сторону. Но я, не будь дурак, уже воспользовался этой форой и улепетывал к дому. Шансы хороши. Надеюсь, успею как раз к тому моменту, когда ребята выскочат на порог.

Тут что-то бухнуло. Я обернулся. Сухой уже валялся на мокрой траве, его одежда горела. Откуда-то взялся Джесс. Он подбежал к сухому и своим мечом решительно отсек ему голову. Увидев меня Джесс кивнул. Парень и сам немного перетрухал, грудь тяжело и часто вздымалась. Он держал в одной руке маленькую тряпичную куклу, от нее шел дым. Лицо Джесса при этом выражало крайний испуг. Видно не совсем гладко чудо сотворил.

Я, кашляя из-за вони от обгоревшей плоти, подошел к нему. Со всех сторон на шум уже стягивались люди. Мара высунулась из повозки, сделав вид, что очень давно и крепко спит.

– Ты что тут делал? – резко сказал Джесс.

– Я... Ну... Мара. – Я никак не мог выбрать, что говорить. Рассказать про Мару и получить по шапке от ребят? Или сказать, что просто шлялся по лагерю и получить по голове уже от «белых»?

– Я понял. Где дозор? – вдруг завертел головой Джесс. – Где дозор, мать вашу?

Я скажу, что мне почти повезло в тот день. Ибо дозорные устроили себе в заброшенном стойле на окраине деревни настоящий праздник. Они, совершенно пьяные, беззаветно дрыхли, пропустив в лагерь сухого. Да они в том состоянии могли целую армию прозевать, и моя вылазка в поисках любви немного потеряла в яркости на их фоне.

4. Исан

«Тот, кто взалкал испытаний – сможет познать тьму.

Тот, кто сеет добро – увидит всходы дел своих.

Тот, чей меч был славой окроплен – обретет, наконец, покой.

И лишь тот, кто чудо сотворил – сгинет навсегда».

Из писания о Перерождении

862 год со дня Возрождения. К югу от Перевала. Главный северный тракт.

Молодцы! Я всегда говорил, что «белым» надо отказаться от наемных войск. Какой в них смысл? Набирают их из стражи и ветеранов. Абсолютно убогие, неспособные люди. Давно ходят разговоры о том, чтобы прикреплять к чудотворцам регулярные войска, а не наемные. Это наложит определенные обременения на деятельность членов Ордена, ибо наемникам можно хорошо платить и таскать за собой куда угодно и сколь угодно долго. Регулярные же войска хоть и находятся в полном подчинении Ордена, но куда менее мобильны и обременены ненужной канцелярией.

Судьи тоже давно предлагают нам свои услуги. Вот только не доверяют им «белые», ведь одна из основных задач судий как раз следить за самими чудотворцами. И вот сейчас это недоверие нам всем едва боком не вышло.

Хорошо, что Джесс не успел улечься спать. Хотя парень сжег свою куклу, явно перестарался. Я и не знаю, сколько у него теперь осталось вещей. При случае, надо будет аккуратно его об этом спросить. А, возможно, лучше будет просто подкинуть пару вещей ему в рюкзак, ничего не спрашивая. Парень почему-то считает, что я его ненавижу. Пускай так дальше и считает. Не стоит напрашиваться на благодарность. Проще будет расстаться, когда придет время.

Из груди невольно вырвался тяжелый вздох. Ну и ночька!? Я распорядился вздернуть главного дозорного. Остальных виновных в инциденте, и этого Строккура, что сношал кухарку, я выкинул из отряда без жалования и отпустил, куда глаза глядят. Им собрали в тюки минимум провизии и отправили в добрый путь.

Почти все виновные обратным путем назад на юг пошли. Строккур из местных. Он, наоборот, к перевалу с еще парой ротозеев выдвинулся. Сгинут они там, ведь холода близко. Но я не стал им что-либо говорить. Они вольны умереть так, как им хочется.

Надо отправить еще одну весточку в Цитадель передать, что вот такой конфуз случился. Поручу Джессу, парень любит с людьми общаться, вот пусть с гонцом и возится. А чудотворцам давно пора придумать какой-нибудь способ передавать сообщения на расстояние. Пока это слишком затратное дело со стороны душевных сил. Мы буквально транслируем текст прямо в голову человеку, находящемуся очень далеко. Тут надо точно, до шага, знать, где располагается адресат, сам получатель должен быть готов к получению сообщения, а длинное послание, отправленное через многие тысячи верст, вполне может высушить не слишком сильного чудотворца. К тому же такой поток душевной энергии может кого-нибудь заинтересовать. Сообщения вполне могут перехватить. Так что чудесами для передачи сообщений практически не пользуются.

Ладно, это все дела канцелярские, есть куда более насущные проблемы. Ведь прямо передо мной на столе, где еще пару часов назад я листал «книгу», лежит обезглавленный труп сухого. Второй сухой за такой короткий промежуток времени. Этот, как и предыдущий, совсем свежий. Наемник сказал, что на нем даже одежда была. Но все сгорело, только рапира осталась. Жаль, по одежде легко было бы понять, кем был сухой при жизни. А так, только слегка обугленный труп да рапира. Такую рапиру без клейма можно купить на базаре за пару золотых. Совершенно стандартная ковка, такое оружие широко распространено на подступах к

Металлической долине. Оно легкое и им так же удобно отбиваться от грабителей, как и, собственно, грабить. Но я встречал такое оружие и далеко за пределами долины. Пожалуй, только на востоке рапиры не делают, там считают, что рапира – оружие трусов.

И что нам это все дает? Мы узнали, что встреченный нами на севере сухой точно не прибыл с востока, а, скорее всего, из Металлической долины. Это прямо сказать не много.

В висках заломило. Надо поспать, все равно в путь мы тронемся не скоро. За этот вечер, я успел прошупать старика до самых костей. Могу быть абсолютно уверен, что эти двое – точно не его рук дело. Здесь на севере произошло большое дело, и оно явно нас никак не касается. Старик же почти полностью высох. Может еще месяц протянет, если будет аккуратным. Более того, те силы, которых он когда-то давно нечаянно прикоснулся, уже начинают проникать в него. Чем весьма пугают старика. Не зря же он решил разбить шатер в разрушенном храме. Отчаяние порождает суеверия. Я чувствую эти темные щупальца оплетающие его изнутри. Он старается не спать, своими бдениями и беседами с самим собой он старается как-то отогнать от себя эту тьму. И, видимо, он находит в этом какое-то утешение. Это пока дает ему силы сопротивляться, но этого надолго не хватит. Я знаю это.

5. Веллес

«Когда клирики выделились в отдельную структуру внутри Ордена Чудотворцев, то никто не знал, как их воспринимать. Но глава Ордена нашел интересное решение. Врачевателям пожаловали большое здание в Столице, бывшее на тот момент в ведении непопулярной в народе Церкви Перерождения. Его нарекли – Госпиталь. Врачеватели стали новым столпом зарождающейся религии чудотворцев – Перерождения. Они стали доносить выздоравливающим слова из писания о Перерождении, а те, исцеляясь, все охотнее принимали новую веру. Клирики уже давно не несут пастве слова писания, но по сей день зовутся клириками и будут нарекаться так во веки вечные»

Октав Реданский «О религии»

855 год со дня Возрождения. Столица. Восточный замок. Секретариат.

За окном резвятся птички. Снег то и дело целыми пластами съезжает с покатой крыши Секретариата. Замечательная весна, при этом очень ранняя. Да, в этом году тепло пришло в этот край очень рано. Некоторые еще не успели снять украшения с домов после зимних торжеств, а уже слышна капель.

Я уже лет двадцать не был в Столице весной. И не собирался, если быть честным. Обычно, зимой я бываю расквартирован со своим отрядом где-то далеко. И весной, как только подсохнут дороги, мы вновь отправляемся в путь. И этот путь неизменно уводит меня все дальше от Столицы, никак не наоборот.

И, лишь осенью, да и то не каждый год, я прибывал в Цитадель с отчетом о проделанной работе. Обычно я проводил здесь не более недели. Сдавал бумаги, нанимал людей, получал средства на содержание и новые назначения. И, как только все дела были улажены, я сразу отправлялся к своему отряду на зимние квартиры. Немало чудотворцев предпочитали зимовать в Столице, оставляя свой отряд ждать весны в одиночестве. Я никогда себе такого не позволял. Слишком уж я уважал своих людей.

Однако, этой весной судьи неожиданно «пригласили» меня в Столицу. Приглашение это было немного навязчивым. Они приехали вдсятером и увезли меня в своей повозке, ничего толком не сказав. Этим они очень напугали Джесса. Мальчик только начал привыкать к нормальной жизни. К жизни, когда не надо бояться что ночью кто-то ворвется к тебе в дом и зарежет ради теплого пальто. И тут его учителя забирают какие-то мрачные люди в коричневых робах, ничего никому не сказав. Юноша был явно ошарашен. И, надеюсь, наемники не подкинут масла в огонь своими байками о судьях.

Джесс очень талантлив. Мальчик родился без души, и у него не было выхода, сама природа определила его дальнейшую участь. Если бы его нашел не я, то кто-то другой. Естественно, если бы до этого его не убил Терриал.

Сейчас наступили такие времена, что «красные» рождаются все чаще. И некоторые считают, что это явление имеет глубокий смысл. Возможно, они правы. Я же считаю, что они существовали всегда, а мы просто научились их находить. Еще мой покойный учитель и не подозревал о том, что существуют люди, рожденные без души. Более того, еще пятнадцать лет назад никто и не предполагал, что они умеют при этом творить чудеса. Ведь каждому ребенку известно, что «белому» необходимо лишиться частицы своей души в обмен на возможность сотворить чудо.

Но времена изменились, и теперь у меня есть ученик в красной накидке. Я бы с радостью взял себе еще учеников. Желательно, именно «красных». Но теперь, когда меня вызвали к себе судьи, даже если это простая формальность, никто не доверит мне еще одного ребенка.

К тому же Джесса я взял слишком взрослым. Он толком не учился самообороне у Миссы, и не получил фундаментального образования здесь в Столице. Все это определенно сложится в отказ, в случае если я попрошу себе еще одного подопечного.

Однако, что-то мне подсказывало что мой вызов в Секретариат не простая формальность.. Просто так судьи ничего не делают. Меня еще младенцем забрали к себе члены ордена чудотворцев. Моя мать просто бросила меня в канаву у дороги, а какой-то стражник нашел меня и отнес в Цитадель. И с самого детства я нередко видел, как судьи забирают к себе в Секретариат «белых» для беседы. Мой учитель говорил, что талантливый чудотворец попадает к судьям на прицел раз пять-шесть за всю жизнь. Плохие «белые» судей не интересуют.

Я второй раз попал в Секретариат. Вроде и неплохой чудотворец, но до заветной пятерки явно еще не дорос. Первый раз меня допрашивали по делу о том чуде с востока, что пытался вернуть душу высохшей жене. Женщина в одночасье лишилась трех маленьких детей, отбившихся от матери и задавленных в толпе во время городского праздника, она высохла и была умерщвлена.

Мужчина в своем отчаянном стремлении вернуть жену даже получил определенный положительный результат. Он пытался использовать древние восточные техники, основанные на забытых верованиях. Восточная школа чудотворцев являла собой оплот самого настоящего варварства. Для чудес там использовали жертвы и ритуалы различной степени омерзительности. Их практики совмещали в себе, помимо прочего, и обращения к старым богам. Та религия считается утраченной, о ней мало что известно. До нас дошли лишь обрывочные сведения и немногие обряды. Кровопролитные ритуалы чудотворцев с востока входят в их число. Несколько веков назад народ взбунтовался против местных чудотворцев, и восточная школа была уничтожена. Однако по сей день на востоке иногда возникали робкие попытки повторения тех ужасных практик. Собственно, меня и отправили на восток из-за того что в небольших деревнях начали пропадать девушки на выданье.

Так вот несчастный мужчина, имевший лишь богословское образование, сумел вселить в мертвое тело девушки кусочек души своей жены. Но само тело всех этих процедур не перенесло. Он получил агонизирующий кусок плоти, который сам же в страхе и убил.

Я доставил мужчину в Столицу, так же предоставив следствию все записи и документы, что нашел в доме у мужчины. Судьи целый месяц допрашивали меня по этому случаю. Все-таки это первый подробно задокументированный случай, когда человеку удавалось вернуть в тело пусть и маленький, но все же кусочек души.

Сам горе-чудотворец с востока молчал как рыба. И в итоге он сгинул где-то в подвалах Секретариата. Рядовые члены ордена чудотворцев пытались получить от судей хоть какие-то сведения. Но те отвечали, что даже они не разгадали тайны совершенного мужчиной чуда.

Вся информация осталась доступной лишь крайне узкому кругу высших чудотворцев и судей. Помимо них во все тонкости восточной практики был посвящен лишь я, но я был достаточно умен, чтобы об этом молчать.

Всю информацию я хранил в своей голове. Из документов у меня остались лишь несколько рисунков. Для своих ритуалов чудотворец с востока рисовал жертвенные узоры, в основном треугольной формы. Я бережно перенес их на бумагу, и по какой-то причине судьям эти рисунки оказались неинтересны. Скорее всего, из-за того, что я так же сумел найти оригиналы древних трактатов, из которых сей дилетант и черпал свои знания.

С тех пор минуло всего пять лет и вот меня снова призвали к себе судьи. Ума не приложу зачем. Я никому так ничего и не рассказал, даже Джессу. Немало подобных тайн нераскрытыми уходят в могилу вместе с чудотворцами. А последние два года я и вовсе провел к северу от столицы. Абсолютно рутинное задание. Местные жители жалуются – вновь собрались последователи древних культов к югу от перевала. Это место у них словно заколдованное, раз

в несколько лет там стабильно собирается очередная шайка оборванцев и начинает портить жизнь всем окружающим.

В итоге, на протяжении двух лет мы вычищали глухие серые леса от шайки отщепенцев. За все это время среди этих адептов я встретил всего двух чудотворцев – так называемых самоучек. Большой талант при плохой огранке, на выходе лишь умение творить шары из огня, да кидаться камнями. Боевой дух моих наемников ослаб в этом походе, насколько неинтересным оказалось это задание.

Этой осенью на наши квартиры, наконец, пришло сообщение о том, что нам надлежит переместиться на северо-запад. Там обвалился свод пещеры и обнаружился какой-то заброшенный храм. Местные чудотворцы чувствуют от этого храма какое-то неизвестное им веяние чудес.

Мне на самом деле вполне понятно, что там они чувствуют – страх. Обычно, не очень сильные «белые», которых отправляют служить подальше от Столицы, бояться вообще всего, что не могут объяснить. Но для моего отряда это замечательный шанс заняться хоть чем-то, кроме вылавливания по заболоченным лесам грязных, обезумевших адептов.

Когда я сообщил радостную новость своим ребятам, те от радости закатали двухдневный пир. Вот насколько мои люди устали днем бродить по колено в жидкой грязи, а ночью мерзнуть в свежавывающем снегу.

Но тут явились судьи и спешно сопроводили меня в Столицу. Торопились, загнали несколько лошадей, несколько раз ломали повозку. Я глазом не успел моргнуть, и вот я в Секретариате, сижу в допросной комнате. Вообще помещения над уровнем земли в Секретариате довольно просторные, с большими окнами из которых открывается замечательный вид на город. Сюда даже долетает веселый детский смех с большой площади перед Госпиталем.

Никого кроме меня в комнате нет. Старый трюк, судьи всегда так делают. Человек легко переживает любой допрос, но, оставшись один на один с самим собой, часто не выдерживает, сам себя мысленно загоняет и потом рассказывает все как на духу. Однако, я ничего плохого не совершил, поэтому совсем не волновался. Все больше думал о Джессе, и о том, додумается ли мой отряд самостоятельно тронуться на северо-запад, или так и будут торчать в лесах у перевала.

Прошел еще целый час, прежде чем, наконец, кто-то зашел в комнату. Мужчина среднего роста и довольно крепкого телосложения. Он был одет в обычную городскую одежду. Слегка грязную. На голову его был надвинут глубокий капюшон. Очень легкая походка. Хоть лица и не видно, но по тому, как легко он движется, чувствуется, что он весьма молод. Видимо ошибся кабинетом. Это обычное дело, в Секретариате все очень странно устроено. Даже если ты сумеешь убежать из допросной, то вряд ли сумеешь найти выход из здания. Но человек уверенно прошел по комнате и сел за стол напротив меня. Он деловито разложил вокруг себя бумаги, но капюшон снимать не стал. Я решил, что это секретарь, один из тех слуг хартии которому повезло остаться в Столице. Видимо будет фиксировать на бумаге ход допроса.

– Веллес? – сказал он вдруг. Я тут же понял, что легкость движений обманчива. Такой грубый, надломленный голос просто не мог принадлежать юноше.

6. Роккар

«Нынешней резиденцией чудотворцев является Цитадель. Когда-то давно на ее месте стоял роскошный замок принадлежавшей королевскому роду. Он был уничтожен до основания. Теперь его место заняло огромное здание Цитадели. При строительстве своей резиденции чудотворцы руководствовались исключительно посылками разума и никак не озаботились о внешнем виде. Цитадель – это три прямоугольных шпиля расположенных на одной линии выстроенных из белого камня, и объединенных общим фундаментом. Центральный шпиль самый высокий, здесь находится ставка высших членов Ордена и библиотека. В восточном шпиле живут и учатся ученики, а в западном находится канцелярия и дипломатическое представительство. Это одновременно самая красивая и самая безликая постройка Столицы. У нее нет каких-либо декоративных элементов, но она завораживает правильностью своих линий и размером. Многие миряне называют эту постройку «пальцами мертвеца» и их нельзя в этом винить. С Цитаделью крайне диссонируют другие резиденции сильных мира сего. Так Госпиталь некогда был возведен для нужд церкви, и представляет собой большой собор с резкими линиями и с огромным стремящимся вверх залом внутри. А Секретариат, который возвышается над уровнем земли лишь на два этажа, был выстроен из красного камня. Его входная группа с колоннами создает у всех входящих ощущение, что они входят в разверстную пасть животного.

Ги де Миррен «Зодчество»

855 год со дня Возрождения. Столица. Восточный замок. Секретариат.

– Он самый. Чем обязан? – удивленно ответил мне чудотворец.

– Есть пара вопросов по вашему назначению...

– Подождите минутку. Вы что будете допрашивать меня один? – допрос всегда ведет тройка судий. Веллес это знал. А тут присутствовал я один, причем одетый в повседневную одежду, а не коричневую робу.

– Веллес. Вы два года провели на севере у перевала. Там снова активизировался один из древних культов. Учитывая финансовую ситуацию в этом регионе и практически полное отсутствие инфраструктуры – это довольно предсказуемое событие. И, на словах, как будто ничего нового. Можно даже сказать рутинно. Я хочу расспросить вас более подробно о проделанной работе. Как все прошло? Много ли вы поймали адептов? – я проигнорировал его вопрос.

– За то время что мы провели там, удалось найти три постоянных лагеря. Довольно большие поселения, там проживало в совокупности человек пятьсот. Ни одного грамотно выученного чудотворца я там не обнаружил.

Да, в лесах спрятано очень много алтарей. Так же в этот раз было замечено большое количество временных лагерей и стоянок, которые постоянно меняли свое местоположение. Видимо так адепты старались скрыться от нас. Не всегда это помогало, и в лесах мы постоянно наткнулись на разрозненные группы, средней численностью около тридцати человек. За все время среди них обнаружили всего двух чудотворцев-самоучек. Разумеется, их познания были весьма ограничены, и сила их не находила должного приложения. Повторю слова из составленного мною отчета: очередной «рассвет древней веры» – это просто стихийное явление. Народ у перевала, знаете ли, совсем не процветает. А в больших поселениях адептов люди, напротив, могут жить вполне сносно.

– А «красных» много видели?

– «Красные» вообще еще не встречались на ближнем севере – это прописная истина. Ее знает любой, кто получил образование в Столице. Не видел смысла проверять. Да и детей среди адептов не то чтобы очень много. Я допустил ошибку?

– Ошибкой это вряд ли можно назвать, скорее роковая случайность. – Я резко встал из-за стола. Капюшон немного приоткрылся, и он увидел налитые кровью глаза. Что ж теперь он знает что его допрашивает чудотворец.

– Адепты были не слишком организованными. Те чудотворцы, что им подчинялись, были знакомы лишь с простыми практиками, и немного с начертательными ритуалами, которыми Орден не пользуется вот уже тысячу лет. Я не уверен, что они вообще действенны. Я ничего не чувствовал пребывая на севере. Я так же не нашел никаких вещей, которые свидетельствовали о том что ими могли бы пользоваться или пользовались «красные».

– Чем вообще «красные» отличаются от остальных? – спросил я, немного помолчав.

– Могут творить чудеса, не тратя свою жизненную силу.

– А почему?

– У них с рождения нет души. Нельзя истратить то, чего нет. Поэтому им не грозит высыхание. Это же объясняют детям в Цитадели!? Зачем спрашивать?

– Правильно, нет души. Вы отправляли судьям некоторых адептов на допрос. Помните? Сколько адептов вы отправили в Секретариат?

– За два года... штук двадцать.

– Они достигли столицы в полном благополучии, хоть и не все. Судьи немного перестарались, переправляя их к нам.

– К вам?

– К нам. – Пока я не собирался отвечать.

– Господин...

– Зовите меня Роккар. И я не господин. «Проверить местность до перевала» – об этом «белых» попросили не судьи, а мы. Хотя для канцелярии это прошло прощением Секретариата, поэтому и пришлось мне встретиться с вами именно здесь.

– Судя по тому, что вы говорите, и как держитесь, на севере произошло что-то серьезное. Те двое были какими-то особенными? Уверяю, предел их способностей это медицинская практика и фейерверки. И уверен, что сейчас я их даже немного возвысил.

– Я и сам северных кровей, – начал я. – И я удивлен тем, что вам встретились целых два чудотворца, при этом не висящих на придорожных столбах. Но дело вовсе не в них.

– Что происходит, Роккар? – спросил Веллес. Пока он выглядел скорее утомленным, чем напуганным.

– Вы помните того сумасшедшего, что хотел воскресить свою жену?

– Естественно, это было не так давно.

– А вы знаете, что он был идолопоклонником.

– Да.

– А знали, что он поклонялся тому же древнему богу, что и те адепты, за которыми вы охотились на севере?

– Я довольно слабо разбираюсь в старой вере. Я не смог увидеть схожих черт в данных случаях. – Это правда, от Веллеса утаили практически все выводы следствия.

– Культ старых богов угас очень давно. Все их храмы разрушены. Ордены, служащие им, давно распущены. Очень редко в глухих деревнях мы находим отголоски старой веры, но, чаще всего, там имела место быть преемственность верований в пределах одной деревни или даже отдельной семьи.

Но, вдруг, по всему миру начали вновь появляться почитатели старых культов. Без каких-либо на то предпосылок. Наши южные соседи даже нашли полностью восстановленный храм недалеко от Лимфиса. Так что для нас уже не столь удивительно, что один из их последователей старого культа обнаружился на востоке.

– Давайте, я буду честным. Церковь Перерождения немного утратила позиции за прошедшие восемьсот лет. Раньше людей привлекали в этой вере право получить защиту чудо-

творцев и услуги клириков в Госпитале. Со временем людям стало этого мало. К тому же я был на севере, и уверяю вас, эти люди поверят во что угодно за краюху хлеба.

– Веллес, я хвалю вашу проницательность, но прекрасно это понимаю не хуже вас. Знаете, что действительно беспокоит нас?

– Не представляю.

– Как думаете, когда начался этот ренессанс старой веры? – я не дождался ответа и продолжил. – Примерно в то же время, когда на западе был найден самый первый «красный». То есть во время восстаний. Вы находите это совпадением?

– Нет. Я думаю, что «красные» появились не в ходе той войны. Немногие «белые» придерживаются того же мнения что и я.

– Разумное мнение. – Я невольно улыбнулся. – Мы тоже полагаем, что «красные» существовали всегда. Но мы подозреваем, что открыли их таланты в очень удивительное время. Мы полагаем, что к обнаружению феномена «красных» как раз привело резкое увеличение их численности, что побудило нас, наконец, открыть и изучить это явление. Но, вернемся к вопросу о людях, что вы отправили в Столицу. Знаете, сколько «красных» было среди тех четырнадцати, что нам передал Секретариат?

– Четырнадцать?

– Десять, но тем не менее, это десять взрослых людей, рожденных намного раньше войны на западе. Родившихся в разных уголках севера, от Митарра, до Утейла. Вам что-нибудь известно о том, какому из древних богов поклоняются эти люди?

– Сведения о древних культах практически утрачены и туманны. Я ничего у пленных не нашел, никаких документов или книг. Все мои знания о культах почерпнуты мной из библиотеки в Цитадели. А сами они, как вы знаете, удивительно неразговорчивы.

– Сведения скупы, но все же полностью не утрачены. Мы за все время сумели распознать целых пятнадцать культов существовавших в разное время. Знаем немного, еще меньше понимаем. Но какая-то историческая хроника у нас имеется. Пятнадцать культов последовательны по времени и постепенно сменяли друг друга. Нам удалось выяснить, что три культа особенно выделяются во всех документах, можно говорить о них как о изначальных. Именно с них началась эра древних богов, а уже потом с течением времени они трансформировались и перетекала в новые культы. На последователей одного из трех основных богов вы и напали на севере, именно его последователем был тот изверг с востока. Все эти люди поклоняются существу по имени Ольберт Невидимый.

– Мне это ни о чем не говорит.

– Я понимаю ваше невежество. Для начала скажу, что нас пугает то, что из глубин истории восстал именно культ Ольберта – один из изначальных. Обычно реставрация культов опирается на поздних верований и основывается на каких-то найденных трактатах или традициях отдельно взятой деревни. Но реставрация столь древнего культа, почти ничем документально не подкрепленного, а позже вовсе видоизмененного и забытого... Такого мы еще не встречали.

– Я даже не знаю что сказать.

– Пожалуй, сейчас говорить буду только я. И немного отвлекусь. Все знают, что «белые» не просто умирают, их душа растрачивается на чудеса, пока они не высохают и теряют свою жизнь. Сущность, естество чудотворца развеивается по миру вместе с сотворенными им чудесами. Они теряют душу, они выпадают из нашего бытия. Ибо, как гласит наша, несколько позабытая религия: «Любая тварь, обладающая душой, обязательно переродиться в нашем мире». Я и мои собратья считаем, что это утверждение довольно правдиво. Однако душа «белого», рассеянная в пространстве, лишена возможности переродиться. Как и душа человека высохшего от тяжкого горя. То есть естество сухого гаснет окончательно. Однако, при определенных обстоятельствах иссыхающий не просто исчезает в небытие, а попадает в особенное место.

– Что это за место?

– Согласно легендам, это место создали древние боги, первые из них. Та самая троица, от которых, в дальнейшем, пошли последующие культы. Естественно, никто из живых там не бывал. Мы знаем о нем, только благодаря информации, почерпнутой от поклонников старых богов. С древних языков название этого места можно перевести на современные языки как Кошмар.

Он тяжело вздохнул.

– Роккар, вы намекаете, что я из тех, кто попадет туда? Попаду в Кошмар?

– Попробую. Вы точно попадете туда. Если говорить просто, туда попадают все те, кто имеет душу, и при этом использовал практики древних культов или участвовал в старых обрядах.

Он в смятении отвел взгляд.

– Но я никогда не... – он замер.

Я мог прочесть ход его мыслей по лицу. Он вспомнил обряды того изверга с востока, те символы что были начертаны кровью на полу в его логове. Все обряды старой веры замкнуты на цифру три, среди символов всегда треугольники, на востоке мужчине требовалось три жертвы для обряда. А значит, адептам на севере тоже нужны были три чудотворца для своего обряда. Двоих он вычислил, а третьим стал сам.

– Вы уже все поняли. Я вижу это по вашему лицу. Два года назад адепты пытались помочь своему Ольберту Невидимому обрести тело. По крайней мере, так мы полагаем. И вы невольно стали частью этого обряда. Очень хитрый план. Мы слишком поздно сумели его раскусить. Мы составили карту их лагерей и алтарей. По ней мы выяснили, что в совокупности все эти постройки представляют собой огромный жертвенный треугольник и скрывают символическую вязь.

Вы стали частью обряда в ту секунду, когда вошли в первое их крупное поселение. Для обряда им нужны были люди, которые умеют использовать свою душу, то есть чудотворцы. Обряд был инициирован, но по какой-то причине у них все разладилось. Счастливая случайность. Тут нам повезло. Ольберт не смог получить телесную оболочку. Но вы, против своей воли, стали частью обряда. Теперь ваша сущность не сможет тихо затеряться в вечности, а попадет в Кошмар.

– А почему я? Ведь у перевала замечено немало чудотворцев-самоучек. Гораздо проще было бы найти третьего самоучку, нежели втягивать во все это «белого».

– Тут у меня нет ответа. Буду честен, этот вопрос и меня сильно волнует.

– Можно ли что-то сделать?

– Ничего. Должен признать, что этот обряд стал самым крупным нашим провалом за всю нашу историю. Ольберт почти прорвал грань между мирами. Вы, уверен, тоже почувствовали на себе влияние Кошмара. Обычные люди ощущают это как необъяснимый, беспричинный страх. Некоторые из моих братьев бывших в ту пору на севере не смогли сопротивляться такому близкому соседству с Кошмаром и потеряли рассудок. А тем временем вера в старых богов лишь набирает силу. И все больше рождается «красных». Кто знает, чем закончится их следующий обряд?

– Это все звучит слишком религиозно, слишком фантастично.

– Согласен. Я сам не считаю их богами. Это какие-то существа, живущие на другой грани реальности. И они, почему-то, собираются прорваться в наш мир. Причем усиленно делают это именно сейчас. Допускаю, что эти существа когда-то давно действительно жили среди людей, и теперь хотят вернуться, я не уверен. Нам очень тяжело понять их естество, ведь приходится прорываться через огромные талмуды религиозного бреда и современные вариации древних верований.

Мы немного помолчали. Я благоразумно молчал. Человек, сидящий напротив рассеяно смотрел куда-то в окно.

– Что меня ждет? – наконец спросил он, хотя уже многое понимал.

– Вас ждет обычная жизнь. Но необычная смерть. Один из нас проследит за тем, чтобы на пути в Кошмар вы ничего не натворили. Ну и за тем, чтобы навстречу вам никто не вырвался.

7. Строккур

«Северяне в ходе «Кровавого похода» на Столицу в 849 году не только окончательно утратили свою независимость, но и лучших своих солдат, лучших сынов севера оставили в столичной земле. Во главе похода стоял Ивар Тагтгрэн, главнокомандующий, высокий лорд, хозяин земель граничащих с Металлической долиной, третий в очереди на северный престол. Его участь незавидна была. Ибо мечтал он на поле брани умереть, чего и нам завещал. Но был он подло отравлен послом Столицы. Лорд тяжело умирал пять дней. Последней волей его было – усадить его на коня и отправить прямо к воротам Столицы одного. Но испустил он дух раньше, чем лошадь запрягли. Чудотворцы пытались лгать про болезнь, давно мучавшую Ивара. Врали, что посол прибыл с целью врачевать командира. Но, никто не поверил им. За их подлый удар ужасно страдал посол чудотворцев, а вместе с ним и две деревни подле от Столицы».

Сааво Сказитель «Командиры воинства северного»

862 год со дня Возрождения. Митарр.

Как же холодно, дери тебя за ногу! Митарр – наверно самое холодное место из всех, где мне приходилось служить. А ведь родился-то я намного севернее. Но то ведь долины, там поля кругом. А Митарр – это треклятые ущелье. Я опер алебарду на стену и начал прыгать, размахивая руками. Жуть как холодно! Да еще и форму дают явно слишком легкую по такому-то ветру. Подозреваю, что на этом деле у кого-то появился ценный земельный надел на юге.

Ладно, надо продолжать патруль, а то тут командир стражи просто ненормальный. Да, хлебнул я, конечно, винишка от Копецки. Жалование копейки, да еще и спрашивают в десять раз строже, чем в Столице. Это все оттого что нет четкого порядка! Тут у стражи и служивых один начальник. Командир гарнизона и начальник стражи – один человек. Мол, для северных городов это нормально, ибо после войны полноценный гарнизон тут держать нельзя. А значит и командир гарнизону не положен. Хитро придумано, только вот не жирно ему две зарплаты получать? При этом он именно что военный. Этим лишь бы маршировать, да тренироваться. Ужас! В Столице мы с военными только на парадах встречались. У нас своя казарма в злочном районе, свое дружелюбное начальство. А здесь...

Я, мысленно, беззлобно поругал Мару. Хороша, конечно, чертова. Но стоила она мне службы на «белых». Да пес с ней, со службой. Хорошо хоть жив остался. Глава дозорных вон, поди, до сих пор висит на ветке в той деревеньке, ворон кормит.

Два месяца уж прошло с тех пор как нас рассчитали. Точнее просто выгнали. Могли бы хоть за неделю вперед жалование положить, чтобы от голоду ноги не протянуть. Исан – скупердяй, точно мои денежки прикарманил.

Да пустое все, что теперь горевать. Главное, что я жив, а отряд Веллеса, кстати, все не появляется. Как пить дать застряли у самого перевала, двинуться не могут. А то может и сам Веллес высох. Там среди «белых» такая атмосфера стояла неприятная. Небось, схоронили старика, да побежали все по своим делам в разные стороны. А наемникам упрочено, им плевать куда идти.

Я вот думаю, что правильно сделал, что на север пошел. Этот гад – Исан, небось какую гадость учинит. Какую-нибудь клязу сочинит для Столичного начальства и нормальной службы уже не жди. Будешь переулок у таверны от блевотины вычищать и радоваться каждому грошу.

Хотя и мы, конечно, еле добрались. Вассе замерз по дороге. Прямо на перевале в озерцо свалился, не сумели отогреть. Парню едва семнадцать исполнилось, жалко было, конечно. А

мы с Баарто таки сумели добраться до Митарра. Отсюда официально северные владения начинаются, власть «белых» тут, конечно, абсолютная. Но сами они здесь редко появляются.

Мой товарищ по несчастью – Баарто вообще дальше на север с подвернувшимся вестовым пошел. Я же остался, да в стражу Митарра попросился. Взяли меня с издевательским жалованием. Ну и ладно, главное жрать дают и есть где спать.

Сам Митарр, конечно, скотское место для службы. Холодно здесь и ветра постоянно дуют. Нигде от непогоды не спрячешься, даже в казарме спишь, а ветер снаружи так завывает, аж холодно под толстым одеялом становится.

Перевал к городу узкой долиной открывается. Долина эта в ущелье упирается, в широченное. Прямо посреди ущелья, в одном месте скала большая сохранилась. Тут-то, на этой скале, и устроили Митарр. Только один мост через ущелье переброшен был на юг, так, что с перевала только во внешний город попасть можно. А вот на север из города уже два моста уходят, один из внешнего города, другой из внутреннего.

Ущелье весной водой наполняется, говорят с запада иногда даже корабли приходят. Раньше много тут кораблей было, но, с тех пор как на западе тяжелые времена наступили, всего пару десятков за сезон проплывают. Да и то большинство мимо идут, дальше на восток. А значит без груза, людей везут отчаявшихся.

Да, на западе сейчас несладко. В страже вон половина людей с запада – беженцы. А другая половина с темной биографией, как я. Поэтому наверно и платят нам мало, чтобы не забывались. Армейским вот неплохо платят. Хотя у нас только казармы разные, а так одну лямку тянем.

Я снова попрыгал на месте, стараясь хоть как-то продвинуть кровь в ногах. Бесполезно. Говорят, новичков всегда отправляют в патруль на южную стену внешнего города. Тут всегда зимой ветра с долины дуют. Но жто еще что, сегодня просто холодно. На прошлой неделе метель прям была. Прошел по стене, развернулся, а своих следов уже и не видно.

Я бы и рад в башне у моста на юг отсидеться, согреться. Или еще может какое местечко найти. Да начальник наш, если такое видит, орет как резаный. Если два раза проштрафишься за месяц, жалование режет. На третий отправляет в патруль под землю. У Митарра система подземных ходов, словно муравейник. Дают карту, и идешь в караул на сутки. Ребята говорят, что страх там необъяснимый накатывает, потом неделю нормально спать не можешь. После такого сразу службу свою любить начинаешь и выполняешь все, что командир говорит.

За месяц службы, один раз я уже получил по шапке от начальника. Пытался поскорее свои старые пожитки продать на рынке, что во внешнем городе. Боялся, что заподозрят недоброе. А первые дни, как назло, со службы только поспать и на горшок отпускали. Поэтому я пацана, что у стены терся, попросил мне поспособствовать за пять медяков. А этот оболтус взял и командира привел, сын его оказывается. Так я заработал почетное право быть постоянным соперником начальника в тренировочных боях.

Не считая всего этого, устроился я неплохо. Ребята в страже были сплоченные. Платили мало, да на севере, кроме мехов и вина, особо и покупать то нечего. Так что хорошо устроился, ничего не скажешь. Потом уже можно будет и в армию перевестись и, чем черт не шутит, жениться. А что? Хлеб-то всегда лучше с маслом!

И, я сам не заметил, как доковылял до самой южной башни внешнего города, конца маршрута патруля. Теперь развернуться и опять назад к мосту. Потом обратно. И так еще раз пять, потом меня сменят.

Башня, у которой я сейчас стою, была очень высокой, с большим количеством бойниц. В плохую погоду со стены не видно ее верхушки. С башни же отлично просматривалась долина. Любой, кто перевалил за горную гряду по перевалу, тут же попадал в поле зрения дозорного. И, через секунду, десятки луков будут нацелены на гостей с юга. На случай серьезной осады, на верхней площадке башни всегда были наготове три больших баллисты. Вроде и звонко звучит,

да там самый холодный пост в городе. Тем, кто служит при баллистах, единственным во всем Митарре, разрешают утепляться как угодно. Ибо от такого холода и околеть можно. Правду говорю.

Башня эта построена очень удачно, и много раз спасала город в былые времена. Учитывая, что по долине отряды могут одновременно двигаться только цепью, то лучники успеют сильно проредить ряды супостата. Хорошо бы, кстати, лучником заделаться, по крайней мере, всегда сухо. Да вот только с луком не умею обращаться совершенно. Арбалет – еще куда не шло. Но тут, ввиду частых морозов, их не используют.

Может забрести погреться? У ребят всегда есть горячая похлебка. Быстренько перекушу и опять на посту. Они не откажут...

Нет, лучше не рисковать. Командир увидит – шею намылит. Я тяжело вздохнул, еще немного потоптался на месте, надеясь согреться и развернувшись, побрел назад к мосту.

Я отошел от башни шагов на двадцать, как на ней запел рог. Я, конечно, дал осечку в той заброшенной деревне, когда с Марой развлекся, но свою службу знаю хорошо. Я, что есть сил побежал к рогу, что установлен на стене. Пока я бежал, борясь с замершими мышцами, запел рог на башне у ворот. На ходу я всматривался в белизну долины, но со стены пока ничего не было видно. Я добежал до своего рога, и начал сверлить долину взглядом. Глаза уже начали слезиться от сверкающей белизны, когда на самой границе видимости я увидел маленькую черную точку. Теперь и я подул в рог. Почти в унисон со мной отозвался сигнал с другой части стены, что шла справа от моста, если смотреть на перевал.

Вскоре на стену поднялись около двадцати лучников. Все они были оторваны от каких-то своих дел. Кто был заметно заспанным., от кого-то сильно несло хмелем, а кто-то застегивал исподнее прямо на бегу. Все знали, что на Митарр уже много лет никто не нападал. Да уже и не нападет. Недавно северяне подняли восстание, хотели помочь своим родственникам с запада, когда в Терриале бардак начался. Но войска северян через Митарр насквозь прошли и бой приняли гораздо южнее, ближе к Столице. В Митарр потом только раненых свозили с полей брани. Вернее привозили тех счастливых, кто сумел обратный переход по перевалу выдержать.

Вообще, с тех пор как север потерял независимость, границы размылись. И «Город на скале» перестал представлять какую-то ценность, как в былые времена. Но северяне до сих пор не доверяли новым хозяевам этих земель. Все бывшие города-крепости на границе сохраняли боевую готовность. Правда численность войск в северных городах строго регламентируется Столицей. Отсюда и командир у стражи и солдат один, и учат нас одинаково. Ибо мы, вроде как, и не в счет гарнизона идем по численности, а в бою вполне себе солдаты будем.

Я убедился, что лучники выстроились как подобает и двинул к мосту. По инструкции, мне надлежало встречать гостей именно там. Если начнется осада, мне надлежит вернуться на стену, причем обязательно внутренним коридором. Господи, сколько же всего пришлось здесь учить!?. Даже карту всего города заставили запоминать наизусть.

Эх, а помню, как в Столице все просто было. Идешь по своему маршруту и все. Вас четыре человека, прошли по маршруту и все, свободны на пару часов. Посидели в караулке, поели, отдохнули и пошли опять кружок завернули. Торговца там согнали с неположенного места, задиру дубиной по спине ухнули, благодать. И так до конца смены. Ну, ничего, мертвым еда в горло не лезет, а я жрать люблю.

8. Исан

«Из Терриала в Митарр можно добраться по воде. С марта по май навигация набирает полную силу. По реке Хельдар в эту пору могут пройти даже очень крупные корабли. С мая по июль и пару недель в октябре, в период дождей, этим маршрутом проходят только небольшие суда. Река Хельдар берет свое начало далеко на севере, в ледниках. Затем, в хребтах Сиала ее русло раздваивается. Широкий полноводный рукав ведет к Терриалу и затем уходит дальше на юг, он и несет имя Хельдар. Второе русло, именованное рекой Глубокой, ибо глубоко в ущелье она протекает, менее полноводно и несет свои воды по ущелью в Митарр и дальше. Там, она скрывается подо льдом, а затем, набравшись силы из горных источников, проходит по границе Металлической долины. Много южнее в летнюю пору река вновь становится судоходной и, протекая через всю страну, впадает в Граничное море в городе под названием Оберн. Посему на пути в Митарр суда из Терриала сначала проходят против течения на север довилки, а затем с быстрым попутным течением и попутным ветром достигают города на скале»

Лукас Алентэр «Судоходство по рекам»

862 год со дня Возрождения. Митарр.

А он выжил! Забыл имя того парня, что блудил с кухаркой, но я полагал, что он замёрзнет в дороге. А нет, жив и здоров. Когда мы проходили по мосту над пропастью, что вел в Митарр, я видел его в числе стражников, встречавших нас. Молодец, и перевал пешком прошел, и даже успел на службу заступить.

Мы же несколько месяцев в условиях жутких лишений шли по перевалу до главной пограничной цитадели северян – Митарра. А ведь не зря предки дали этому городу столь говорящее название – «Проклятая могила». Ведь именно так со старого языка северян переводится название этого города. И если сам город на скале вполне милый и гостеприимный, то ландшафт вокруг полностью обосновывает данное название. А еще и ветра свирепствуют в ущелье практически круглый год, за исключением пары месяцев летом.

Хотя, справедливости ради, название города относится вовсе не к ужасной погоде и не к тяготам пути испытываемым путниками в дороге. В летописях зафиксирован вполне достоверный факт, что катакомбы под городом, уходящие глубоко в скалу, и ныне служившие местным жителям кладбищем, уже существовали на тот момент, когда люди решили основать здесь свой город. Отсюда и пошло название.

Во времена независимого севера люди частенько пытались пробиться вглубь подземелий. Однако ничего ценного там так не обнаружили. Сейчас, в целях безопасности, чудотворцами были замурованы все проходы, ведущие к основанию скалы. Стража ныне ограничивается редкими патрулями по верхним уровням подземелий. Именно эти тоннели и служат местным жителям кладбищем. Людей хоронят в аккуратно выдолбленных прямо в скале нишах. Судьи рассказывали мне, что для местной стражи патрули под землей это что-то вроде наказания. Суеверные люди чувствуют здесь необъяснимый страх. Но на самом деле тут нет места сверхъестественному, просто перебороть власть мифов и темноту не так-то просто.

А вот для нашего отряда проклятье Митарра перестало быть просто красивой фразой задолго до того, как мы подошли к городским стенам. Ведь пока мы в зимнюю стужу шли по перевалу, потеряли добрых двадцать человек солдат и обслуги.

Каждый из нас, от неграмотного конюха и до видавшего виды командира отряда, задавались одним и тем же вопросом. Зачем мы вообще отправились в путь? Ведь было бы столь разумно просто переждать зиму по другую сторону перевала. Теплые квартиры, хорошая еда, мягкая постель. Но вместо этого мы, почему-то, выбрали голод, зимнюю стужу и тяготы похода. Почему? Что ж обо всем по порядку.

Итак, мы, вопреки погоде, все же сумели тронуться в путь из брошенной деревни, где на нас набрел сухой. Правда, произошло это только по истечении шести дней, с момента казни дозорного. Шли мы медленно, дорога была ужасной, и это вовсе не метафора. Да еще и наемники были ошарашены и расстроены из-за того что пришлось своими руками казнить сослуживца.

Такие решения всегда вселяют ненужный страх в головы подчиненных, но при этом здорово налаживают расшатавшуюся дисциплину. Я чувствовал на своей спине злые взгляды. Видел, что наемники по своему желанию помогают Джессу нести поклажу, когда я должен был приказывать это делать. Я не любил когда меня принимали за изверга, не любил излишний страх среди моих людей. Это может привести к печальной ситуации, когда они побоятся поделиться со мной своими опасениями и это приведет к беде. Но более этого я ненавидел отсутствие дисциплины и порядка. Посему, если я должен стать для этих людей тем, кого они ненавидят и боятся, то я с готовностью сыграю эту роль. К тому же сейчас пойти на попятную – означало проявить слабость, что мгновенно уничтожит меня в глазах отряда.

Так или иначе, мы достигли небольшого города Уимстера в основании перевала еще через пять полных дневных переходов. А холода тем временем уже подступали. Утром лужи на дорогах покрывались тонкой корочкой льда, а изо рта при дыхании вырывался пар. Некоторые военные простудились из-за того, что то шли маршем, постоянно потея, то спали в холодных палатках. С их хворью вполне справлялся Джесс, я лишь держал все под контролем и продолжал делать вид, что мне все равно.

За те пару дней, пока наша партия закупалась провизией в городе и собиралась в путь, ударили уже настоящие морозы. Среди участников похода возникла та легкая, расслабленная атмосфера, когда приходит осознание, что выполнение важного и тяжелого дела откладывается на неопределенный срок. Такое ощущение всегда само собой возникает, когда прибываешь на зимние квартиры.

Все неожиданно осознают, что ничего существенного не произойдет в ближайшие несколько месяцев, и вполне можно насладиться размеренной мирской жизнью. Да и дочери местных крестьян всегда благожелательно стреляют взорами в гостей из Столицы. В тот ясный морозный день я дал командирам распоряжение расселить отряд по домам и готовиться к зиме. Приказ был воспринят с большой радостью и был спешно выполнен. Я, признаться, и сам уже успел прочно обосноваться в доме местного лесоруба. Дом стоял на отшибе, а сам лесоруб был слугой хартии, что вышел на пенсию по выслуге лет, посему нам было о чем посудачить долгими холодными вечерами. Все начали привыкать к обстановке, наемники до отказа заполняли местную таверну, обслуга успела наняться помощниками ремесленникам, местные девушки уже распределили самых видных солдат между собой. И все шло своим чередом, ведь только сумасшедший может пойти по перевалу зимой.

Но в одно, особенно холодное утро, Веллес вызвал меня к себе на разговор. Его разместили в доме купца, который на зиму уезжал в теплые края. Дом стоял в стороне от дороги, спрятанный от посторонних глаз в густом ельнике. Достаточно далеко, чтобы старика никто случайно не потревожил.

Тем утром я еще не вошел в дом, где расположился Веллес, как почувствовал присутствие Кошмара. Так живо я ощущал Кошмар всего пару раз за всю свою жизнь. И надеюсь, что впредь меня ждет не так много подобных встреч, ибо его присутствие всегда тяжело ощущать. Будто темные, холодные щупальца медленно овевают душу и сжимают ее.

Я, еще стоя на пороге, взял меч наизготовку в левую руку. Опасения у меня были вполне обоснованными. Вдруг Веллес только что высох и за ним как раз сейчас явился Кошмар. Если это не так, то такого сильного проявления Кошмара в нашей реальности я еще никогда не чувствовал. Хотя мой опыт в столкновениях с Кошмаром можно смело назвать скромным. По меркам Братства я еще считался достаточно молодым. А, тем временем, меня как будто, то

отрывало от земли, то швыряло в стороны. По крайней мере, душа в моем теле совершала именно такие кульбиты. Словно порывы сильного ветра, пронизывали меня холодом насквозь и стремились вырвать душу из моего тела.

Ох, найти бы сил справиться с этим! Я не был слаб, но и никогда не был излишне самоуверен. Конечно, я был подготовлен к таким вещам, ведь вся моя жизнь была посвящена изучению Кошмара и его проявлений. Позволю себе даже подумать, что недостаток опыта у меня вполне компенсируется прилежностью в обучении.

Но сама суть Кошмара такова, что когда он касается твоей души, ты теряешь всякую уверенность в себе. Один из братьев очень точно описал в своем дневнике ощущения при приближении Кошмара: «Будто что-то стерло из жизни все хорошее, что в ней, когда-то происходило. А все плохое словно проживается вновь, причем все разом».

Я попытался собрать растекающуюся под давлением Кошмара волю в кулак и зашел в дом. Веллес, к моему удивлению, был все еще жив и сидел один в кресле у камина. Джесса он видимо отослал от себя под каким-то надуманным предлогом. Старик вообще часто отправлял парнишку с пустяковыми поручениями на другой конец города. Видимо боялся, что может ему ненароком навредить.

Внутри дома я уже едва мог сопротивляться давлению Кошмара. Меч я убрал в ножны, все равно у меня в руках не было необходимой твердости для того чтобы им воспользоваться. От посоха сейчас будет больше толку. Я стоял и молча смотрел на старика, разрушаемого Кошмаром. И, кажется, я даже мог заметить следы этого явления на его лице. Будто прямо под его тонкой кожей пробегали волны чего-то темного. Разумеется – это иллюзия. Под давлением ужаса люди не редко видят то, чего нет. А Кошмар это концентрированный, ненаправленный ужас, просто витающий в воздухе.

– Исан, думаю, скоро все случится. – У старика были перебинтованы глаза. Его настоящие глаза сейчас представляли собой тонкие, черные полоски, что спрятаны внутри воспаленных, постоянно гноящихся век. Это плата за чудеса, глаза чудотворца со временем наливаются неизвестной темной субстанцией, что не пропускает свет, и чародей слепнет, окончательно и бесповоротно. Но сейчас Веллес пользовался чудесным зрением, чтобы видеть. Обычная практика высыхающих. Впрочем некоторые отказывались от нее. Например, высшие «белые» из Цитадели старались так продлить себе жизнь, чтобы надиктовать как можно больше информации летописцам. Но Веллес, очевидно, прожить лишний месяц уже не хотел.

– Я тоже так считаю.

– Расскажи мне про Кошмар, Исан?

– Кажется, я уже рассказал вам все, что знал. Я не знаю, как выглядит Кошмар изнутри. Никто из живых не знает. Я знаю лишь немного о тех, кто его создал.

– Брось всю эту надменную чушь! Я слышал всю эту пустопорожную ерунду много раз от тебя и от твоего сподвижника! Расскажи мне о тех, кто ждет меня там?

– Наши предки считали их богами. Согласно древним поверьям, раньше они жили среди нас. Делили со смертными пищу, сражались в битвах, влюблялись. Но потом что-то произошло, и они исчезли. Постепенно люди забыли их. Имена старых героев терялись в истории и менялись в угоду времени и местам. Спустя много веков культ старых богов угас сам собой и родилась Церковь Перерождения, тоже ныне теряющая силу.

– Опиши мне их? – старик, очевидно, пропустил мимо ушей часть моего рассказа.

– Вы имеете в виду изначальную троицу? – догадался я.

– Да, Исан, поведай мне о них.

– Не то чтобы летописцы скрывали внешность древних богов. Просто их описания зачастую противоречат друг другу. Например, мы знаем, что Ольберт Невидимый не имеет телесной оболочки. Он бесплотным духом бродит по нашему миру и «помогает советом тем, кто потерял надежду». Согласно поверьям ему помогают две души мучеников. Образуя троицу,

они следят за тем, чтобы мир пребывал в балансе. Много детских сказок народов севера и дальнего запада – это переиначенные произведения древности о Ольберте. Но при этом есть документы, где он описывается низкорослым мужчиной с узким лицом, рыжей бородой и задорной улыбкой.

– И я встречу с ним в Кошмаре?

– Адепты утверждают, что он живет среди нас. Но я полагаю, что это лишь их вера и он встретится вам в Кошмаре.

– Ты уверен?

– Разумеется нет.

– Дай мне хоть что-то, Исан! Я хочу быть хоть немного подготовлен к тому, что увижу!

– Изначальная вера древних сильно разветвилась. – Я не знал, что дать Веллесу. Того что он хотел узнать не ведал никто из ныне живущих. – На протяжении всей человеческой истории существовало множество культов. Каждый из них поклонялся своему богу, сохранившему от изначальной веры лишь общие черты. Тяжело по тому, что осталось от старых книг, понять, что же из себя представляли эти изначальные боги. Так Мирра Кошмарная, то представляется прекрасной девой с янтарными глазами, то ужасной тварью, покрытой струпьями и язвами, стремящейся убить своего ребенка. Благородный Скип то великий воин, сокрушавший всех врагов на своем пути, то жалкий калека, лишенный сердца и источающий зловоние. Даже среди допрашиваемых адептов мы не нашли достаточно внятного ответа на вопрос о внешности старых богов. Со временем старые тексты правились, видоизменялись, и теперь выяснить где истина, а где правки уже невозможно.

– То есть даже вы не знаете, что меня там ждет?

– Нет. Мы знаем, только то, что Кошмар существует. Но, что он из себя представляет? Никто не даст вам ответ на этот вопрос.

– А ты уверен, что Кошмар сулит мне лишь муки? – кажется, если бы мог, то в этот миг он посмотрел бы на меня с надеждой.

– Вы и сами чувствуете это.

– Это не ответ, друг. Это просто страхи того кто стоит перед закрытой дверью.

– Я чувствую Кошмар. И согласно моим чувствам ничего хорошего он в себе нести не может. Меня научили никому не доверять, но своим чувствам я претить не стану.

Мы замолчали. Веллес чему-то улыбнулся и я как будто ощущал на себе его снисходительный взгляд. В камине полыхал яростный огонь, от которого я весь покрылся потом, но из-за Кошмара чувствовал лишь могильный холод.

– Меня кое-что пугает, Исан. – После паузы нерешительно сказал старик.

– Незнание всегда пугает.

– Я не об этом. Оставь свои прописные истины себе! Меня тревожит странная мысль. Я будто не могу высохнуть.

– Не совсем понимаю.

– Там, в заброшенной деревне. – Старик помедлил. – Когда я сидел в палатке, я творил чудеса. Но я не чувствовал что душа покидает меня, понимаешь? Я то зажигал огонь в своей руке, то тушил. Но ничего не происходило. Конечно, «Зарница» – одно из самых простых чудес. Но мне так мало осталось...

– Вы хотели умереть?

– Я чувствую его, Исан. Я слышал, как ты достал меч из ножен на пороге. Ты прекрасно понимаешь, что сейчас происходит во мне. Мне надоело, и я очень устал.

– И вы не смогли высушить себя?

– Да, будто моя душа уже истощилась, но откуда-то берутся силы для дальнейшего существования. Словно есть еще один сосуд, откуда чудеса могут черпать свою силу.

– Мне никогда не приходилось иметь дело с подобным. Есть ли у вас какие-нибудь предположения или пожелания?

– Нам надо как можно скорее пойти на север! Боюсь, может случиться беда. Чем быстрее выступим, тем лучше. Я всегда старался разумно смотреть на вещи, но сейчас не вижу ни одного разумного объяснения тому, что происходит. Очевидно, что-то идет не так, как должно. Тогда пускай мы хотя бы будем далеко от тех мест, что населяют мирные крестьяне.

– Но зимний переход по перевалу вы не переживете.

– На это и уповаю, друг! Я творил чудеса, Исан! Я творил, и творил. На протяжении всей ночи! Причем творил их, словно был «красным»... Если быть честным, то я не очень понимаю, почему я до сих пор жив.

Наш отряд тронулся в путь уже через два дня после этого разговора. Раньше выдвинуться не получилось из-за того что все уже успели обосноваться на зиму в Уимстере.

Представляете, как тяжело было объяснить простым воякам, что нам внезапно потребовалось штурмовать перевал в самое неподходящее для этого время?

В тот день, сразу после разговора с Веллесом я отправился к командиру нашего отряда. Когда я сказал ему, что мы пойдем через перевал зимой, тот даже крикнул.

– Исан, послушайте, для меня вся жизнь либо море, либо бойня. Много я повидал. Но это безумие! Безопаснее было бы с сухим в запертом сарае переночевать. Seriously. Когда меня отправили ловить пиратов в Граничном море, я надеялся что выберусь. Когда меня послали подавлять восстание на запад, у меня на душе было горькое чувство, но я верил что вернусь домой. А вы даже не представляете, какой на западе творился бардак. И сейчас вы отдаете мне этот приказ, а я понимаю, что надеяться не на что. Вы меня словно целиком в вино Копецки окунули, господин.

– Надо идти. ..

– Я прекрасно вижу, что вы недоговариваете. И надеюсь, простите мне, что я дерзнул так грубо вам отвечать. Но какая-то жуть витает в воздухе. Я чувствую ее своими старыми костями. Ребята шепчутся, жалуются друг другу на плохие сны. Не знаю что это, но уверен, что это исходит от нашего отряда. Словно мы притащили это с собой. Сам я ночами плохо сплю, и слышу, как дети жалобно плачут по городу, говорят это к смерти...

Я посмотрел в глаза опытному командиру и сказал:

– И лучше будет, если мы увезем это с собой на перевал. Подальше от людей. Пусть лучше это упокоится там.

– Благодарю за откровенность, Исан. Я буду помнить это, и ценить до конца своих дней.

Он отсалютовал мне, будто ему предстоял не тяжелый переход, а дежурство по кухне. Продолжать разговор я не стал. Старый солдат и не настаивал. Он был слишком опытен, чтобы обсуждать приказы.

Значит, дети плачут? Меня ошутимо тревожило то, что Кошмар чувствовался так явно. Уже даже матерые солдаты теряли покой рядом с Веллесом. Кто знает, какие страхи в них проснуться, когда чудотворец, наконец, покинет наш мир...

И если говорить о том, зачем нам надо было идти на север, то согласно официальным формулярам, наш отряд отправили на ледник Бирдремм, на самую границу разведанных человеком мест. Чистого рода фиктивное назначение. На Бирдремме нет ничего. Там нет никаких чудес, никаких адептов. Признаться честно, там и людей-то нет. Назначение в никуда. В бумагах, что выдали Веллесу, в графе «место прибытия» стоял прочерк, так как вблизи ледника не было ни одного населенного пункта. Формально мы должны были проверить, не пользуется ли кто-то чудесами для разрушения ледника, ибо уровень воды в реке Хельдар, стекающей с ледника и несущей свои воды на юг, сильно повысился. Стоит сказать что он повысился относительно замеров, которые первый, и единственный, раз производились сто пятьдесят лет назад, когда на карты мира нанесли этот ледник.

Как вы понимаете, официальное назначение не выглядело как то, ради чего могло бы потребоваться зимой идти через перевал. Все это породило совершенно ненужные разговоры, и пресечь их было тяжело. Люди и так роптали из-за того что придется идти на плохо разведанный и никому не нужный ледник. По отряду пошли мрачные толки еще с тех самых пор как мы двинулись в путь ранней весной. А теперь предполагалось, что еще и перевал будем штурмовать в самое неподходящее время. И ведь для всех очевидно, что зимой ледник никуда не денется.

Да, командир ввел в отряде железную дисциплину, а я сильно припугнул людей, когда казнил пьяного ротозея в заброшенной деревне. Однако, некоторые члены отряда все-таки дезертировали ночью накануне отправления. Догонять их не было никакого смысла. Вероятность того что догоняющие, по мере удаления от перевала, сами превратятся в дезертиров была довольно высока. Да и наемников с нами не связывала никакая клятва. Лишь шкурный интерес, да страх нашей силы.

Итак, проверить ледник. Именно таким это задание озвучили Веллесу и, как я полагаю, еще не был формуляр подбит печатью, как старый чудотворец осознал, что на самом деле происходит. Предполагалось, что Веллес высохнет и умрет на леднике. Зная его лично, я полагал, что это произойдет на пути в Митарр. Или, при совсем плохих раскладах, он найдет упокоение по дороге из Митарра в Харрес.

Мне же дали одно сопутствующее поручение. Оно состояло в том, что после смерти старика, мне надлежало северными долинами пройти в Утейла, пользуясь при этом давно заброшенным трактом. Дело в том, что один из моих высокопоставленных братьев отправился на север несколько лет назад и пропал. Братья действительно редко выходили на связь друг с другом, искореняя культ в самых дальних уголках нашей страны. Но обычно они все-таки не пропадали без какой-либо весточки на год. А мой названный брат, искавший в тех местах адептов Ольберта, просто взял и исчез.

Скорее всего, он просто погиб или замерз. Брата Роккара в последний раз живым видели на землях по эту сторону перевала. В паре сотен верст от Уимстера. Затем его якобы видели караванчики в Металлической долине, а судьи, из-за времени его исчезновения считают, что он может быть еще одной сопутствующей жертвой той трагедии в шахтах. Но это все лишь домыслы и его уже несколько лет безуспешно ищут. Мой поход – авантюра. Я не ищу брата, я очищаю совесть Совета Братства.

Что же касается перевала. Я, конечно, мог настоять и остаться на зимовку по эту сторону. Но Кошмар чувствовали даже жители Уимстера. Они не жаловались, вовсе нет, ибо страх перед чудотворцами был сильнее этого необъяснимого чувства. Но его давление сказывалось на людях. Они стали нервными, неприветливыми. В маленькой местной харчевне постоянно возникали жаркие потасовки. А накануне отъезда, на окраине города, между местными состоялась массовая драка, причиной которой стала какая-то совершенно пустяковая обида. В этой драке вилами закололи маленького пастушка, который вообще непонятно зачем туда полез. Посему я довольно быстро убедился, что решение уйти в горы и увести из города Веллеса – самое верное.

В день отправления, прямо в момент, когда я пришпорил лошадь, еще пять человек бежали из отряда. Это было уже не дезертирство. Это была победа страха над разумом. Кошмар раздавил волю этих людей. Попасть в отряд «белых» не так-то просто. Надо иметь хорошую подготовку, богатый опыт службы и устойчивый дух. Конечно, наемники не редко проявляли себя с не лучшей стороны в спокойное время, но в их боевых качествах я не сомневался. И вот теперь я смотрел, как они открыто бегут по дороге на юг. Они бежали прямо у меня на глазах. Страх, вселенный Кошмаром, был сильнее страха умереть со стрелой в спине или быть убитыми чудом. Я ударил огненным сполохом вдогонку убегающим, но намеренно попал в дерево, стоявшее чуть в стороне у дороги. Командир отряда видел, что я промахнулся наме-

ренно и благодарно кивнул. Остальные же наемники обманулись моим промахом и многие в эту секунду побоялись бежать.

В итоге, мы тронулись в путь в гробовом молчании. Даже лошади не ржали, а их копыта ударили о мерзлую землю на городской площади без обычного гула.

Уходя с побывки, ты всегда можешь ожидать шумного прощания. Так девка, полюбившая молодого бойца, ревет навзрыд, видя, как он покидает ее навсегда. Ветераны, до утра сидевшие с местными в харчевне, затягивают старую пошлую песню. Кого-то провожают со слезами старики, что обрели в молодом солдате давно утраченное дитя. А из кого-то пытаются, на прощание, выбить карточный долг, устраивая грубую потасовку. Но это бывает обычно. Сегодня же мы уходили на перевал в полной тишине. Мы уходили умирать. Местные не понимали явление Кошмара. Им верилось, что эта тоска и страх родились в их сердцах именно из-за предчувствия нашей скорой кончины. Они обрекли это во что-то вроде предзнаменования.

Это была тяжелая дорога. На протяжении всего пути, что мы проделали по перевалу, я следил за Веллесом. Естественно он больше не творил чудеса открыто. Но он продолжал пользоваться своим зрением, что должно было неуклонно подтачивать его. Однако душа держалась в нем, словно за что-то зацепилась.

Тем временем, с каждым днем, в нем крепло присутствие Кошмара. И, в какой-то момент, я обратил внимание на то, что к старику близко подходим только мы с Джессом. Остальные сторонились его и с каждым днем все больше. При этом, по каким-то причинам, Кошмар не забирал старика. Боюсь, как бы старик не вел со смертью какую-то свою игру, которая может стоить жизни не только ему.

И, как вы уже поняли, даже перевал не стал забирать его. Старик пережил непростое путешествие лучше многих крепких мужчин. Его миновала лавина, он не провалился под лед на озере. Словно кто-то незримый вел его под руку дальше, тщательно оберегая. Несколько месяцев мы медленно двигались вперед в тягчайших условиях. Мы прошли перевал, спустились в долину и достигли Митарра, а старик все еще был жив.

В пути наш отряд очень сильно потрепало. Потеряли немало людей. Кто-то замерз, кого-то сожгла лихорадка. А те, кто выжил, вошли в Митарр со слезами счастья на глазах. Командир гарнизона, он же по традиции севера начальник стражи доложил мне о том, что многие наши наемники имеют серьезные намерения покинуть наш отряд и присоединится к гарнизону города. Очевидно, если мы хотим хоть кого-то удержать, стоит остаться в Митарре, хотя бы на пару месяцев. Но Веллес несет в себе крепнущий Кошмар. И я, дурак, привел его из маленького Уимстера в огромный Митарр.

9. Роккар

«Род Капецки издавна владеет знатными пашнями к югу от Столицы. Эта семья всегда знала толк в политических играх. Свой надел они получили от короля за то, что выбрали верную сторону во время мятежей на юге. Они вырезали всех, кто косо смотрел на корону, и за то получили земли своего прошлого господина. А, когда чудотворцы набрали силу, Капецки сразу поддержали их. Наградой им стало расширение их владений на юг. Реми Копецкий, что некогда был главой этого рода, бредил идеей о своем вине. И, хотя земли его были для этого непригодны, он с жаром взялся за дело. Реми высадил самый неприхотливый виноград, удобрял и орошал землю, тратя на это невероятные деньги. И, в итоге, получил в семейную казну три полных амбара удивительно горького и сбивающего с ног поила. Сам Капецки любил это вино, по крайней мере, он так говорил. Вельможа с радостью возил его другим высокими лордам на пробу. И, будучи в Металлической долине, он преподнес Деандиру двенадцатому две бочки этого напитка. Пока хозяин дегустировал напиток, гость изволил блудить с женой Деандира. Однако, после снятия пробы, Барон Металлической долины немедленно впал в гнев. И, когда он попытался лично высказать гостю свое мнение о напитке, то застал того блудящим со своей супругой. Деандир самолично заколол и Капецкого, и свою жену. Останки любовников он погрузил в бочку с вином и отправил назад во владения Капецки. Сын Реми – Ян, на эскалацию конфликта не пошел. Он женился на средней дочери Деандира – Яссе, вырубил все виноградники отца, и похоронил того прямо в бочке у одной единственной оставленной в назидание лозы. С тех пор фраза «вино Капецки» пошла в народ, и означает крайнюю степень сумасбродства, что, скорее всего, приведет к кончине».

Гаррет Тунвой «Крылатые фразы и поговорки. Том 2»

858 год со дня Возрождения. Северные земли. Второй Северный тракт.

Мрачный выдался денек. К югу от перевала вообще редко бывали погожие деньки. Здесь, и лето – не лето, и зима – не зима. С угрюмого серого неба медленно падало что-то похожее на снег. Падая на, еще теплую землю, снежинки сразу превращались в воду, обращая все вокруг в непролазную грязь. Человек, шедший слева от меня, оступился и припал на одно колено прямо в свежую грязь. Он тихо выругался и с большим трудом выбрался из месива. Его ботинки при этом издали довольно громкий чавкающий звук. Я, хоть и старался ступать как можно мягче, тщательно вымеряя каждый шаг, но и сам постоянно хватался за сучья деревьев и кустарник, чтобы не упасть.

На мне, как назло, была белая накидка. Братство часто использует их при полевых вылазках, чтобы бросить пыль в глаза. Однако в этих краях уже целый месяц без перерыва идут то дожди, то мокрый снег. И весь север до самого перевала сейчас утопает в грязи. Посему моя накидка давно уже утратила былую белизну. Сейчас она была покрыта ровным слоем разноцветной грязи. Например, вот это, почти желтое пятно, я посадил три недели назад на сосновом пятачке к востоку отсюда. А вот этот зелено-коричневый оттенок появился на моем одеянии в тот день, когда я начал тонуть в болоте немного севернее этих мест.

Два года я тут. Мне доверили довести до конца расследование трагического случая произошедшего с Веллесом, одним из «белых», что пытаюсь разобраться с местным культом, неожиданно сам для себя, стал его пособником. Чудотворец стал важной частью обряда, ни цель которого, ни результаты были даже Братству не ясны.

В Братстве, как и в любой другой закрытой организации, деятельность которой заиклена на чем-то конкретном, в последние годы сложилась очень нехорошая тенденция. Мы все почему-то стали считать себя экспертами в том, чего человек не в силах понять. Старики из

Совета, поплевав на перо, вынесли вердикт, глупость которого превышает все разумные пределы:

«Адепты воздавали хвалу кому? Ольберту Невидимому. Значит, ритуалом хотели его вернуть к жизни. Ах, он и так согласно их верованиям жив? Значит, просто хотели поговорить. Веллес? Талантливый чудотворец с чистой историей. Приставим к нему одного из наших. Когда-нибудь потом. Задание плевое, справится кто-то из рядовых. Роккар? А, это тот, кто настаивает на детальном расследовании? Так давайте отправим его туда, пусть, собственно, сам все разгребает».

Я, конечно, сильно упростил. Но в Братстве надо мной искренне потешались до тех пор, пока я не покинул Столицу. Потешались наверно до сих пор, просто я этого не слышал. Ведь я до сих пор отказываюсь верить, что все случившееся – простое совпадение. Слишком долго Братство прячет свои знания, слишком долго варится в своем соку. Брат Литовур, что основал братство, хотел спрятать знания о Кошмаре от простых смертных, но предостерегал нас от того, чтобы мы сами не погрязли в рутине, которая неизбежно возникает, когда ты слишком долго занимаешься чем-то одним.

«Берегите люд от Кошмара, и сами бойтесь его. Однако более того страшитесь уверенности в своей правоте. Блага и вред Кошмара не может понять человек, ибо одним богам подвластен он».

Светлые слова Литовура – самого великого и, одновременно, самого скромного чудотворца запада, остались лишь на табличке предвещающей вход в закрытую секцию библиотеки и, к сожалению, абсолютно выветрились из голов тех, кто должен был строго их блюсти.

Я верен Братству. До конца своих дней я понесу свою ношу. Но, я клянусь, в своем благоденствии мы упускаем что-то важное. И именно эта вера отправила меня в эти ужасные, не благодатные земли.

Особенно сильно я сочувствовал Веллесу, приятный человек жизнь которого была сломлена случайностью. Допускал ли я что он был осведомлен? Пожалуй, нет. Мы тщательно изучили его биографию, и не один раз, так как он уже попадал в наше поле зрения. Ранее, он уже был в поле нашего зрения из-за событий на востоке. И оба раза мы досконально изучили все, что имели на него. И вывод тут один – чудотворцу просто не повезло, он случайно оказался частью это ритуала.

Но вполне вероятно, что его попытаются завербовать теперь, когда выхода у Веллеса нет. Но, насколько мне известно, к нему приставят человека, чтобы тот следил за чудотворцем. Очень надеюсь, что Совет Братства не имел в виду так называемого «сопроводителя». Согласно правилам, Братство, за пару лет до кончины человека, отмеченного Кошмаром, приставляет к нему человека, который проследит за всеми проявлениями Кошмара и упокоит с миром несчастного. Надеюсь, не только я один понимаю насколько удачный сейчас момент, чтобы переманить Веллеса на ту сторону.

А ведь человека ждет Кошмар. И что его ждет в этом самом Кошмаре? Этого не знает никто. Такой кульбит судьбы выбьет из седла кого угодно. Но, отчасти, он и сам виноват, «белые» вообще славятся своей самоуверенностью. Он бы сначала изучил сам культ, проверил по огромной библиотеке в столице открытую информацию. А там, может быть, и мы бы спохватились вовремя. Но нет, он просто собрался и поехал на север. Адепты как будто рассчитывали на подобное развитие событий и просто использовали его в ритуале, как благодатную жертву, что сама пришла к ним в руки.

Однако вина тут не только «белого». Мы проявили себя с худшей стороны и допустили подобное развитие событий. Еще никогда культы не противопоставлялись нам столь открыто. За всю современную историю еще не было столь организованного проявления старой веры. Их огромный ритуальный символ покрывал практически весь север. Даже в труднодоступных болотах мы находили части ритуальной вязи.

До этого редкие древние ритуалы ограничивались нанесением троичных символов в пределах одной комнаты, иногда небольшого поля, но не больше. Теперь ритуал был совершен на площади занимавшей добрую шестую часть страны. То, что «белый» принимал за беспорядочные передвижения адептов, было на самом деле слаженной работой по установлению символической вязи. Почти все люди, которых ловил Веллес, были частью довольно большой и слаженной системы. При этом поклонники Ольберта старательно создавали вокруг себя впечатление грязных фанатиков, отчего бдительность всех заинтересованных лиц и была усыплена.

Хотя, вопрос о том, состоялся ли вообще обряд, тоже стоял на повестке дня. Был ли обряд прерван? Если нет, то почему он ни к чему не привел? И самое главное – что если ритуал прошел как надо? Последнее сильно пугало меня. К сожалению, только меня. Кошмар исчез, после ритуала уже прошло довольно много времени, ткань между нашими мирами вновь прочна. Но что если адепты все же добились того, чего хотели? Это пожилые братья из Совета полагают, что целью ритуала было призвание Ольберта Невидимого. Но что если все сложнее, чем кажется?

В пользу того, что у поклонников древних богов ничего не получилось, говорит то, что они до сих пор здесь, и до сих пор занимаются какой-то бурной деятельностью. После встречи с Веллесом прошло целых два года, а количество адептов на севере не только не уменьшилось, но и даже увеличилось. И я по сей день искал хоть какую-то информацию, которая прольет свет хоть на один из множества моих вопросов.

Один раз мне попала крупная птица, чудотворец». Самоучка, совсем еще неопытный. Мы поймали его здесь на севере несколько месяцев назад, живого и телесно вполне здорового. Он был одет в лохмотья и выглядел совершенным безумцем. Он бы вполне смог провести нас напускным безумием, если бы его несколько раз не пытались отбить. Мы потеряли довольно много людей тогда в лесу, в тщетных попытках вывезти его в Столицу. И, когда адепты окончательно зажали нас у небольшой скалы, я сообразил что допрос надо провести здесь и сейчас. Ибо передо мной был один из тех, кто сможет ответить на мои вопросы.

Мы привязали его к дереву, прямо там, на поле боя, пока мои ребята отражали самые настоящие волны наступающих фанатиков. Я, зная, что времени мало, начал вести допрос с пристрастием. Когда чудотворец понял, что игры закончены, то начал отчаянно вырываться, звал на помощь, пытался творить чудеса.

Выведать в тех условиях удалось не многое. Я скорее подтвердил то, что и так знал. Например, что весь север до перевала теперь представляет собой ритуальные знаки, начертанные на огромной территории. Подтвердил, что в рядах адептов преобладают «красные», люди приходили в культ добровольно из погибающих деревень запада и севера. Они присоединялись к культу потому что у адептов хотя бы была еда и цель, которой можно было служить.

Допрос с пристрастием прервался на моменте когда я начал выпытывать из него подробности прошедшего ритуала. Тот вдруг замолчал. В Братстве нас учат особенной настойчивости в поиске ответов на заданные нами вопросы. Но самоучка молчал. Видимо он настолько верил тем силам, которым служил, что даже пытки не могли развязать ему язык.

Наконец я закричал: «Ритуал был завершен? Вы добились, чего хотели?». А он, вдруг, уставился на меня. И я слишком поздно понял, что чудотворец откусывает себе язык. Он выплюнул свой язык прямо мне в лицо и улыбнулся. И тут со стороны схватки выскочил Кит, главный над воинами в моем отряде:

– Все, Роккар, заканчивай. Их там сотни две. А у меня человек двадцать осталось. Если прямо сейчас ударим в одно место, может, прорвемся и сбежим. Еще пять минут, и все в этой грязи останемся.

Делать было нечего. Я вытащил кинжал и перерезал горло бывшему белому.

– Они нам не простят. – С опаской посмотрел на мучительно хрипящего самоучку Кит.

– Нельзя его просто так оставить. Он для них слишком ценен.

- Как скажешь. Но теперь вряд ли выберемся.
- У нас такая работа... – я осекся.
- Как скажешь. А теперь бежим! Быстро! – занервничал Кит.

Итак, утром того дня у меня было много вопросов, а к вечеру их стало только больше. Я подхватил с земли посох, достал меч и побежал за Китом. Почти сразу нам пришлось пустить оружие в ход. Врагов было очень много, казалось, что они были везде. Я применял чудеса, связанные с огнем. Пускай на них уходит много душевных сил, тогда стоял вопрос жизни и смерти. Я поджигал и самих врагов, но все больше старался сжигать старые, подсохшие деревья, давно погибшие на этой неблагоприятной земле. В такой сырости дерево вообще не хотело заниматься, но при этом сильно чадило. Благодаря моим действиям поле битвы затянуло густым дымом, и мы, небольшой группой, сумели-таки выбраться из окружения через топкое болото.

От боевого отряда в шестьдесят человек наемников, осталось всего пятнадцать. За два следующих дня численность отряда сократилась до двенадцати, троих мы потеряли из-за полученных в бою ран. Мы просто не могли остановиться на достаточное время, чтобы я применил к ним практики клириков.

А дальше началась изматывающая погоня. Мы целую неделю петляли по лесам пытаюсь сбить со следа одурманенных жаждой мести адептов. Два раза едва не попадали в засады, провиант строго экономился, а ночевали мы в мокрой грязи без возможности согреться. Но, по исходу недели, мы сумели выбраться к небольшой заставе на тракте в тридцати верстах от места убийства чудотворца.

И когда мы, наконец, смогли выбраться на союзную территорию, то первым делом сытно поели и выпались, а уже потом узнали от солдат занимавших пост на заставе, что на все наши аванпосты расположенные южнее перевала были совершены нападения.

Плохо вооруженные адепты, некоторые из них были с палками и мотыгами, практически одновременно выдвинулись в наступление на все наши укрепления. Даже Утейла пару дней была осаждена. А это, на минутку, хорошо укрепленная крепость, стоявшая в горах к востоку отсюда. Она закрывает проходы в Металлическую долину, где действуют множество рудников, главная рудная жила нашей страны. К тому же Утейла является резиденцией хозяина Металлической долины – барона Деандира XV. Можно представить, как хорошо укреплена крепость.

Вообще, за время своего существования Утейла стояла в осаде бессчётное количество раз, и всегда выдерживала. Но безумных оборванцев с палками и камнями гарнизон крепости увидел у своих стен впервые. Глава гарнизона был так удивлен, что ошибочно посчитал это разведывательным маневром. Из-за чего крепость после штурма еще какое-то время пребывала в полной боевой готовности, хотя реальной опасности для нее не было.

Хаотичные и неорганизованные нападения не прекращались еще несколько месяцев, и мы, изможденные постоянной обороной, вынуждены были вместе с солдатами, к которым прикнули на придорожной заставе, постоянно отступать на восток и в итоге укрыться в стенах Утейла. Нам требовались подкрепления и банальный отдых.

С тех пор мы так и не смогли организовать аванпост достаточно далеко от Утейла. Любой лагерь, не обнесенный прочной стеной и земляным валом, практически сразу подвергался нападению. Одновременно с этим, поклонники древних богов сильно прибавили в количестве.

Из-за того что солдаты занимались обороной от неистовых нападений адептов, а не несли службу на заставах при тракте, на севере расцвел бандитизм. Купцы из-за этого побоялись ехать на север, и круговорот товаров был нарушен. У крестьян в итоге были деньги, но вот тратить их было не на что, и в этом бедном на зерно и дичь крае начался голод. У людей на руках были товары в виде драгоценностей, оружия и глиняных изделий, которыми славился север. Но продать они их не могли. Вместо купцов приезжали бандиты и отнимали нажитое, лишая людей последней надежды на пропитание. И, никем не охраняемые, крестьяне, не имея другого выхода, примыкали к адептам. Винить их в этом было глупо. Как только жизнь нала-

дится, и солдаты займут прежние рубежи, эти люди стыдливо будут избегать в беседах обсуждений событий этого года.

У меня сложилось впечатление, что на самом деле под прикрытием бессмысленной мести адепты выполняют какие-то маневры. Интуиция подсказывала, что самоучку намерено подвели под удар. Ведь, пока солдаты прячутся в Утейла, по тракту можно незаметно перебрасывать войска или ценный груз. Но подтвердить или опровергнуть свои догадки я не мог. В таких условиях нам удавались лишь короткие вылазки. Так сегодня наш отряд нашел и проследил обоз адептов. Он вывел нас на спрятанную в лесу землянку, где адепты могли передохнуть и обновить снаряжение.

Обоз был нами успешно перехвачен и разгромлен в некотором отдалении от их схрона. Однако ничего интересного в нем мы не нашли. Только припасы и оружие. Конечно, это нанесет некоторый удар снабжению противника. Но в моем деле от этого не будет никакого проку.

Сейчас мы с Китом, утопая в грязи по пояс, направлялись от обоза к этой самой землянке, чтобы осмотреть ее. Вряд ли там есть за что зацепиться – пара десятка голодранцев, запасы начавшей плесневеть еды и куча дешевого оружия вроде намертво прижавевших к ножнам мечей. Таково теперь основное оружие отчаявшихся крестьян и яростных адептов.

И вот, через двадцать минут медленного продвижения по ужасной местности, мы вышли из болота. На небольшой прогалине в лесу мы увидели вытопанную площадку. Тут же, прикрытый дощатым настилом был вход в подземное убежище. Возле входа сидели связанными около десяти человек. Примерно столько же лежали мертвыми в куче, расположенной в пятидесяти метрах от входа. Говорить с пленными было бесполезно, я знаю. Затуманенные верой мозги могут породить только краткий пересказ того что со мной сделает их этот Ольберт, если мы осмелимся ему помешать. Это было даже забавно. В целом, он неизменно жестоко карал меня, но каждый индивид, сгорая от праведного гнева, вворачивал что-то свое, что-то настолько забористое, что становилось даже немного весело.

Я подошел к ним и прислушался к своим чувствам, стараясь не обращать внимания на угрозы. Ничего, обычные голодранцы. Я обратил свое внутреннее внимание на округу, снова пусто. Я не возлагал какие-то надежды на это место, но все же проверить стоило. Интуиция говорила мне о том, что Кошмар и ключ к нему где-то здесь, на севере. Он спрятан в каких-то мелочах, в ускользающих из рук ниточках, но где точно, она мне подсказать не могла.

Конечно, не стоит преуменьшать факт срыва поставки снаряжения противнику. Согласно указу Дендира, Кит и солдаты за это получают денежную благодарность в Утейла. Солдатам в этой области станет несколько проще передвигаться. А значит культ не получит пары новых бойцов в виде голодных крестьян. Но все это по сути своей бессмысленно. Мы боремся с симптомами, не понимая сути. Главный постулат учения клириков гласит, что чудеса могут вылечить любого, если получится определить источник мора. А мы даже не знаем что это за мор, соответственно, вместо настоящей борьбы, изображаем бурную деятельность, которая по сути своей бессмысленна.

Я, задумавшись, стоял около связанных адептов, когда из землянки выбежал заметно побледневший Кит. Командир моего отряда вывел меня из задумчивости, тронув за плечо. Он выглядел обескураженным. И скажу, не солгав, таким я его видел его очень редко.

– Роккар, там дети.

– Что?

– Там в землянке! Дети! Человек двадцать.

Я быстро спустился за Китом в подземное строение. Кит видимо подумал, что я разделил его ненависть к адептам, что затащили детей в подвал и позволил себе пару резких фраз в их адрес. Но ненависть – это не то чувство, что я испытал. Я чувствовал воодушевление. Неужели зацепка?

В маленькой комнате за потайной стеной сидели, сбившись в кучу, маленькие дети. Навскидку им всем было не больше десяти лет. Маленькие, чумазые создания смотрели на меня своими огромными испуганными глазами. Они здесь недавно, еще не чувствуют себя в заточении. Еще нет отчаяния в глазах, только страх.

– Привет, детки. Меня зовут Роккар.

Молчание.

– А вас как зовут.

– Я – Нисса. – Неожиданно сказала маленькая девочка, державшая в руке маленькую игрушку в виде розы, вырезанной из дерева.

Нисса – очень типичное имя для запада.

– Очень приятно, Нисса. Ты едешь из Терриала?

– Да, из Теллаила.

– И далеко ты едешь?

Ребенок вздохнул и пожал плечами. Она уже начала сомневаться, что правильно поступила, заговорив со мной.

– Не знаю, моя мама сказала, что дядя отвезет меня в путешествие. Дядя дал ей мешочек, в котолом что-то звенело.

– Скоты. – Вырвалось у Кита. Он был слишком вспыльчив, слишком честен, вероятно, это, в будущем, будет стоить ему жизни.

– Локкал, а что такое «скоты»?

– Очень плохое слово, дядя Кит больше не будет ругаться. Да, дядя Кит.

– Конечно! Прости меня, девочка.

– Холошо.

– А что это у тебя? – я протянул руку к замызганной игрушке.

– Это от папы. – Она прижала игрушку к груди.

Я благоразумно не стал спрашивать, что случилось с ее папой.

– Можно посмотреть?

Нисса неохотно дала мне игрушку. Я, как бы невзначай, прикоснулся ей к своему посоху. На самом деле я быстро сотворил чудо, немного нагрев игрушку. Это было почти незаметно, но вещь все же приобрела часть моей души. После этого, я, для виду, еще повертел игрушку в руках и вернул хозяйке.

– А тебя как зовут? – обратился я к мальчику стоявшему рядом с Ниссой.

Молчание.

Я резко выхватил кинжал, которым недавно зарезал мятежного «белого», и полоснул мальчика по руке. Рана вышла глубокая, кровь медленно потекла из раны густой бардовой полосой. Все дети шарахнулись от меня. Рядом со мной осталась только Нисса и этот мальчик, которого я держал за другую руку. Я слышал, как Кит позади положил руку на меч, надеюсь, он не додумается влезть.

– Что ты делаешь? – завопила Нисса.

– А ты знаешь, что та игрушка, которую тебе подарил твой папа – волшебная. – Мальчик понемногу отходил от шока и начинал все сильнее вырываться.

– Что?

– Надо приложить ее к ранке и очень сильно захотеть, чтобы ранка зажила. Сможешь?

Нисса в недоумении повертела розу в руках. После чего подошла к мальчику, приложила деревянное изделие к ране и зажмурилась.

Уже через секунду я отпустил мальчика. Рана затянулась, остался грубый рубец, но рана выглядела так, будто ее нанесли много лет назад. Я резко встал и обернулся к ошарашенному Киту.

– Они все «красные». Все до одного. Детишки с запада. Думаю, это наш шанс понять, что же тут твориться.

Кит не нашелся что ответить.

– Всех адептов аккуратно ликвидировать. Нам потребуется их одежда. Есть идея. – Хороший, но очень рискованный план родился в моей голове.

10. Исан

«Через двадцать лет после смерти Старого Короля чудотворцы столкнулись с ностальгическими настроениями в народе. Страна уже представляла собой единую структуру, Церковь Перерождения уже обрела свою паству, а управленческие действия чудотворцев практически свели на нет голод и, в целом, повысили благосостояние народа. Но в народе все равно довольно часто поминали добрым словом почившего монарха. Первое время данные настроения оставались без какого-либо внимания со стороны чудотворцев, ибо не несли за собой никаких последствий. Затем начали появляться «внебрачные сыновья Старого Короля». Иногда это, конечно, были откровенные сумасшедшие, которые поднимали на бунт лишь отдельно взятую таверну. Но, вскоре начали появляться и куда более крупные фигуры, что имели за собой довольно существенную материальную базу и обладали тайной поддержкой некоторых лордов. Один из bastardов Старого Короля даже сумел подвести к Столице шеститысячное войско, что было разбито гарнизоном города только при помощи удачного флангового удара солдат Итильена. Доселе неизвестно являлся ли он по правде сыном короля или просто очень талантливым человеком, но его успешные действия привели к решительным мерам со стороны чудотворцев. Они решили просто стереть род Старого Короля и все упоминания о нем из истории. Это их деяние можно воспринимать двояко, но оно определенно принесло свои плоды, ибо ныне никто не помнит имени Старого Короля, никто не помнит предшествующих ему правителей и членов их семей. Великие подвиги, совершенные кем-либо из королевского рода, либо приписывались другим людям, либо сам герой причислялся к другому знатному роду. Вельможам, чей род был связан с родом короля, под страхом изгнания, пришлось вымарывать из своих родословных любые связи с некогда первым родом государства. Столица утратила свое имя, ибо была названа в честь первого короля и первого своего правителя. Сама Страна утратила свое имя, ибо была названа в честь человека окончательно объединившего эти земли в единое целое. Чудотворцы довольно ревностно следили за исполнением своей воли и жестоко карали за неповиновение. Окончательно Старого Короля отрунули в 78 году, когда принято было вести летоисчисление от Возрождения».

Йорген Невер «Методы борьбы с инакомыслием».

862 год со дня Возрождения. Митарра.

Целый месяц мы в Митарре. Целый месяц я жду, что что-то произойдет. Приближаются торжества в честь окончания года, горожане уже начали украшать город к праздникам. Холода, при этом, стоят страшные. И, будто этого мало, по ущелью все время дует ветер. Местные жители, естественно, давно привыкли к такой погоде, но почти все участники нашего похода, по прибытию слегли с серьезной лихорадкой. Никакой реальной угрозы, просто наши организмы оказались не приучены к тому, что холодный ветер может дуть в одном направлении, с одной интенсивностью несколько дней. Сейчас кризис миновал, все идут на поправку. Хотя некоторые члены отряда и жалуются на то, что постоянные и монотонные завывания ветра по ночам мешают им спать. Но тут есть несомненный плюс, эта ментальная проблема несколько остудила пыл тех, кто хотел присоединиться к гарнизону Митарра, что мне это только на руку.

Чтобы не вести дальше на север тех людей, в ком я не был до конца уверен, пришлось совершить рокировку с командиром Митарра. Я отдал ему на попечение десять наших людей. Тех, кого лишения, пережитые на перевале, беспокоили сильнее всего. Люди быстро пришли в норму в телесном плане, но их мучала хандра и апатия. Лучшее, что я мог для них сделать, это выдать им денежное довольствие с явным избытком и предложить перейти на службу в стражу. Все они с большой радостью согласились на это предложение.

Взамен командир перевел в наш отряд пятнадцать стражников, что пошли добровольцами на более щедрое жалование. В основном это были молодые ребята никогда не бывавшие южнее Митарра. Как, впрочем, и севернее. Лишь трое добровольцев имели боевой опыт. Причем, если двое из них в свое время нанимались в добровольческие отряды по охране дорог от бандитов, то третий этим самым бандитом когда-то и был. В общем, я отдал на попечение командира гарнизона морально измученных людей, что не будут готовы к полноценной службе еще несколько месяцев. А взамен получил пятнадцать зеленых юнцов, которые о боях знают только то, какой стороной пики надо тыкать во врага. Обмен достойный.

В придачу гарнизон Митарра получил от нас две повозки, и немного снаряжения. Наш отряд значительно поредел не только за счет наемников, но и за счет сгинувшей на перевале обслуги. Я решил двигаться дальше меньшим отрядом и не стал объявлять набор прислуги, посему такое количество снаряжения нам уже точно не пригодится.

Тем самым мы с командиром Митарра уравнили количество личного состава поступившего ко мне во служение. Без удивления замечу, что любитель кухарок в число тех, кто вступил в наш отряд не вошел, однако и отговаривать никого не стал.

За месяц, проведенный в «городе на скале», все те, кого не прельстила служба в этом холодном городе, хорошо отдохнули и привели в порядок снаряжение. Некоторые даже успели обрасти легким жирком. Было бы идеально тронуться в путь сразу после торжеств. Самое время. Люди крепко выпивая и хорошо закусывая на протяжении восьми дней, позабудут тяготы перехода, и будут готовы двинуться в путь. Первая неделя в пути будет тяжелой – похмелье и тяжелые животы дадут о себе знать. Но потом мы спустимся с гор, температура поднимется, и мы выйдем в северные долины, довольно оживленные места. И, при правильном стечении обстоятельств, там нам надлежит свернуть на старую дорогу до Утейла.

Но обстоятельства складываются неприятным образом. Кое-что еще не позволяет нам тронуться в путь – Веллес. Старик все еще жив. Его даже лихорадка не взяла. Мне самому пришлось прибегнуть к чудесам местных чудотворцев, чтобы остаться на ногах, а старик даже ни разу не чихнул. От него уже настолько веет Кошмаром, что нанятая для него обслуга не селится в специально отведенном для этого доме, по соседству, а предпочитает каждый день идти на службу через весь город.

Джесс пребывает в странном возбуждении. По прибытию в Митарр тот стал немного замкнутым и вспыльчивым. Веллес постоянно гоняет его с поручениями по всему городу, лишь бы парень проводил больше времени подальше от него. А Джесс не понимает зачем, и от этого злиться.

Однако, это все проблемы «завтрашнего дня». А сегодня надо решать совсем другой вопрос. И я, наконец, осознал, что пришло время взять судьбу нашего предприятия в свои руки. Решение проблемы давно витало в воздухе. Оно было само собой разумеющимся. Просто до сих пор я не решался даже думать об этом.

Первый раз мое сознание робко допустило эту мысль в Уимстере у основания перевала. В тот момент, когда Веллес уговорил меня выдвинуться на перевал зимой. Я стоял у обоза, смотря на ошарашенных новостью людей. Бедолаги, в каком-то не ясном дурмане люди собирали свои вещи. Они все еще надеялись, что поход отменят. Ведь даже для облезшей собаки, что жила под крыльцом харчевни было очевидно, что глупо лезть на перевал зимой. Но тогда я, с некоторым испугом от осознания, каким путем идут мои мысли, отогнал эту идею, как признак паники.

Второй раз, данный вариант решения проблемы, уже куда более обстоятельно, я рассмотрел на перевале. В тот самый день, когда на нас обрушилась лавина. Я видел молодых парней, которым переломало все кости и их приходилось добывать из милости. А Веллес, как ни в чем не бывало, спокойно сидел на своей лошади и без усталости вертел своей слепой головой. Убивая обреченных молодых ребят, что сейчас ужасно страдали, я чувствовал неясную злобу на ста-

рика. Ощущал, как эта ужасная мысль пускает корни в моем сознании. Но когда она начала обретать конкретные и явные очертания, я испугался сам себя и вновь отринул ее.

Когда мы спустились в долину, и я увидел вдалеке ущелье и высокие башни Митарра, то это мысль как бы сама собой пробилась из моего подсознания наружу. Наконец, проходя по мосту в город, я определился. Я взвесил в уме все за и против, и робко согласился с тем, что мне самому необходимо прервать страдания Веллеса.

Вот уже миновал целый месяц, и теперь у меня наконец все готово. Да, первую неделю я еще проявлял слабость и надеялся на счастливый случай, но затем взялся за дело. Мне вовсе не хотелось убивать старика. За то время, что я пробыл подле него, я даже успел привыкнуть к нему и глубоко уважал его. Но в Братстве всегда учат, что во имя великой цели нельзя обращать внимание на мирское. А моей великой целью было не допустить прорыв Кошмара в мой мир.

Да, звучит немного пафосно. Но я уверен, что что-то идет не так. Я вижу, что Кошмар в старике силится с каждым днем. При этом он никак не может высохнуть и обрести покой. Кто знает, почему кто-то в Кошмаре решил помучить старика, не давая тому спокойно умереть. Убив его, я ликвидирую присутствие Кошмара. Надо сделать это хотя бы для того, чтобы испортить планы кому-то по ту сторону. Хотя у меня даже нет никаких логичных предположений кто или что стоит за всем этим.

Придется замарать руки. Если об этом узнают «белые», у меня будут большие проблемы. Совет Братства поймет, но не одобрит подобные методы. Если правда вскроется, меня передадут в руки «белых», а потом и судий. Я буду противостоять правосудию в одиночку. Мы храним сведения о Кошмаре в тайне настолько, насколько это возможно. Совет никогда не допустит того, чтобы обычные чудотворцы проникли в их тайны. Они бросят меня.

К тому же, в последние годы члены Совета все крепче держатся своими дряхлыми руками за свои теплые места. Они боятся любых изменений как огня. Любое серьезное движение в Братстве будет раздавлено этими стариками. Больше чем Кошмара они боятся того, что кто-то проникнет в суть Кошмара глубже них, укажет на их несостоятельность и вынудит покинуть Совет.

Поэтому, для всего мира я буду просто «белым», который убил другого «белого» и сгинул в подвалах Секретариата. Бесславный конец, который вполне вероятен. И, чтобы избежать этого, надо убить Веллеса как можно тише и похоронить как его можно скорее прямо здесь, в Митарре.

Первоначально, я намеревался вывести его из города. Это было нужно для подстраховки, ведь впервые Кошмар так играл с человеческой жизнью, и я серьезно опасался за жителей города. Но я так и не нашел убедительного повода, чтобы посреди зимы вывезти из города чуть живого старика. Должен признаться, здесь имел место страх откровенно подставиться перед судьями.

Посему я решил совершить преступление прямо в Митарре. Я думал применить яд или чудеса. Но от яда Веллеса могут спасти местные чудотворцы. А до их появления он вполне способен продлить себе жизнь самостоятельно. Ему удастся спастись, поскольку высохнуть он по неизвестной причине не может.

Можно не сомневаться, он всеми силами попытается сохранить себе жизнь. По ту сторону перевала чудотворец еще был готов умереть, чтобы освободиться. Но теперь, когда Кошмар в нем стал гораздо сильнее, он боялся. Он уже в полной мере прочувствовал, что ожидает его. И, видимо что-то осознавая, он стал избегать всяких контактов со мной.

Яд отпадает.

Чудеса же могут почувствовать. В Митарре есть два «белых», пускай по традициям севера они живут на отшибе и ужасно затравлены местными вельможами. Но они вовсе не дураки и без труда смогут определить факт насильственной смерти.

Чудеса отпадают.

Поэтому я остановился на кинжале. Быстро и грубо. Я перережу старику горло и откину его посох подальше. Потом мне предстоит ощутить всю ту мощь Кошмара, что скопилась в душе Веллеса. После чего я, чудесами клириков, затяну кожу над раной старика, пока тот еще жив. Ведь на мертвых чудеса клириков не работают. Затем в уже мертвое тело я воткну меч, чтобы впоследствии сказать, что старик высох, и я вернул покой его бранным останкам.

Может показаться, что я излишне все усложнил. Не соглашусь, и скажу, что я просто попытался все учесть. С раной в животе Веллес закричит, а сухие не могут говорить, только бормотать. Более того, по характеру раны будет видно, что она нанесена еще живому человеку. Практики клириков достаточно сильны чтобы скрыть нару на горле, и достаточно слабы, чтобы кто-то обратил на это внимание.

Оставался еще Джесс. Однако, к моему удивлению, его я убрал из поля зрения довольно просто. Он молод, и к тому же слишком человечен для чудотворца. Из этого я сделал вывод, что простые радости ему вовсе не чужды. И, с помощью чудес, я влюбил дочку местного торговца овощами в парня. А тот, испытывающий обиду на своего учителя, а заодно и на весь мир, неожиданно охотно ответил ее чувствам.

Это был грандиозный успех. Хотя чудеса и не могут на самом деле заставить одного человека влюбиться в другого. Никаких высоких материй, только научный подход. Здесь главную роль играют взаимодействия веществ и нанесенные мозгу человека повреждения. Когда-то подобная практика использовалась для снятия боли у неизлечимо больных. Забавный эффект усиления влюбленности увидели много позже. Сейчас для облегчения страданий используются другие чудеса. А внезапную влюбленность клирики объясняют повреждениями определенных частей мозга.

Подлая хитрость сработала даже лучше, чем я предполагал. Джесс буквально днями и ночами пропадал где-то со своей новой пассией, не появляясь подле Веллеса. Обычные люди часто используют такой прием, чтобы показать кому-то очень важному, что он им безразличен. Для чудотворца – глупо, для двадцатилетнего парня из Терриала – нормально.

Однако, это скоро пройдет. У усиления чувств есть особенность, оно скоротечно. Разрушая мозг пострадавшим, мы даем сил их чувствам. Но, человек вообще крайне живучее существо, и мозг пострадавшего через какое-то время восстанавливается от нанесённых увечий. Такова не только особенность чудес, но и сама человеческая природа, сильная страсть стораает быстро, умеренное влечение может сопровождать вас до смерти.

Правда, сам я никогда не ощущал этого интригующего чувства. Но, в поисках истинной природы Кошмара, я изучил просто невероятное количество литературных источников. И, некоторые из них, являлись далеко не самыми лучшими образчиками языка, зато неплохо доносили до читателя ту бурю, которая захватывает некрепкий разум во время любовных мук.

Далее я договорился с командиром гарнизона о том, что, как только Веллес умрет, мы сразу похороним его согласно местным традициям в подземельях под городом. Стоит сказать, что эта просьба была, по меньшей мере, необычной. «Белых» практически всегда хоронят с большой попой на специальном кладбище в Столице. Исключения делались для тех, кто погиб в бою или пропал без вести.

Разговор с гарнизонным командиром состоялся в один непогожий вечер его рабочей комнате, что расположена под лестницей в казарме. Он сидел за большим столом и неторопливо визировал рапорты стражи при свете чадающей свечи, потомственный вояка практически засыпал за столь рутинной работой. Он кивал невпопад моим словам и, лишь иногда, что-то бурчал в ответ.

Когда я попросил его об этой услуге, тот заметно удивился. Его сонливость как рукой сняло. Он поднял, наконец, взор от рапорта и двумя руками обхватил свою лысую голову.

– У меня к тебе один вопрос. На него я жду честный ответ. Если я его получу, то можешь хоть собакам в подворотне своего старика скормить. – Фирменный испепеляющий взгляд при-

лагался. Некоторые люди от такого взгляда могли даже оговорить себя или дать показания против своей матушки.

– Я слушаю.

– С тех пор, как вы вошли в город, началась какая-то белиберда. Вот эти вот рапорты, посмотри какая куча. Знаешь что это?

– Нет.

– Это рапорты о самоубийствах. С тех пор как мой отец отдал богам... Ну то есть как он переродился, я командую в этом городе. И за все это время я подписал двадцать три таких рапорта. Причем, восемь из них были явными убийствами с хорошо скрытыми следами. А за тот месяц, что вы в городе, мои люди составили уже двадцать рапортов. Те, кого я ставлю подле твоего старика, затем, под страхом сурового наказания, отказываются вновь заступать на этот пост. И тут ты такой красивый, давайте старика по-быстрому закопаем и мы уедем.

– Это мы. Точнее, это происходит по нашей вине.

– Неожиданное начало, которое меня радует.

– Я тоже не могу все говорить...

– Разумеется.

– Этот старик, он вляпался в очень нехорошую историю. Он – отступник, использовал запрещенные чудеса. Отчего в нем поселилось зло. Это зло пожирает его изнутри. Мы пошли через перевал зимой лишь для того чтобы он умер. Но не вышло. То зло, что он сотворил, оно теперь преследует старика, как аура. То зловоние, я думаю, и ты его чувствуешь, оно от него.

– Так убили бы его в чистом поле и концы в воду. Что мелочится с предателем?

– Так он ведь не простой «белый». Надо сделать так, чтобы все выглядело как естественная смерть. Чтобы он высох и умер. До того как стать отступником, он был хорошим человеком. Надо уважить его былые заслуги.

– Да...

Командир смотрел на меня. А я уже знал, что попал в точку. Многие века север пребывал в суеверном страхе перед чудесами. Сейчас занавеса тайны перед ними приоткрылась, но совсем чуть-чуть. Все северяне относились к чудесам трусливо-пренебрежительно. А тут еще выясняется, что есть какие-то особо темные, запрещенные чудеса. И он поверил мне. Поверил, что есть грань между простым чудотворцем и отступником. Он поверил потому, что это укладывалось в его картину мира, в его понимание чудес.

– Значит так! – после паузы сказал он. – Старик умирает сам или, по крайней мере, так все будет выглядеть?

– Да.

– Мы его быстро хороним.

– Да.

– Вы сразу исчезаете.

– Да.

– Вся эта чушь. – Он ткнул пальцем в стопку бумаг. – Прекратится.

– Да.

– Я все сделаю. А ты потрудись избавить меня от хлопот или, клянусь моей мертвой женошкой, я тебя удавлю. Понял?

– По рукам.

На этом формальности были улажены.

И вот он настал, тот день, когда я совершу невероятно темное дело. На дворе стоит тихий, темный вечер. Новолуние. Улицы освещают только редкие фонари, что каким-то чудом не потушил ветер.

Уже начались приготовления по поводу надвигающихся торжеств, и почти все рядовые горожане сейчас сидели по домам. Стоял трескучий мороз, и вся стража либо пряталась по

башням, либо поразительно быстро семенила по пустому городу, думая лишь о том, как бы поскорее попасть в теплое место.

Идеально.

Под покровом темноты, стараясь следовать темными улицами, я пришел к дому, где расположился старик. Стражи не было видно. Как и говорил командир, они часто сбегали с поста под любым возможным предлогом. Я постоял на пороге и, посмотрев по сторонам, увидел свет в окне конюшни расположенной неподалеку. Оттуда высунулась чья-то голова, и, увидев меня, тут же скрылась.

Я почувствовал себя не в своей тарелке. Меня заметили на месте будущего преступления, надо все отменить! Умом я понимал, что стража не могла меня не заметить, они хоть и плохо несли свою службу, но пройти незамеченным я бы не смог. Очень хотелось просто развернуться и уйти прочь, сбросив с себя это бремя, и пусть все идет своим чередом. Но я остался стоять на крыльце и дождался, пока ко мне подойдет подпоясывающийся на ходу стражник. Все идет по плану, но все-таки когда я увидел живого человека, а не воображаемого мной для отработки диалога стражника, страх начал хозяйничать в моей голове.

Мы в Братстве нередко прибегаем к подлостям и хитростям. Подлоги, шантаж и подкупы – это вполне официальные наши методы. Да и убийствами мы не чураемся, в том числе и заказными. Но никогда убийство не было самой целью, мы же не семья Бейран. Посему, сейчас я собирался совершить преступление, которое осудят даже мои братья.

– Как поживает господин? – твердым голосом спросил я у подошедшего стражника, в глазах которого мелькал страх.

Ответом мне было неловкое молчание.

– Вы вообще были в доме?

– Были... В начале караула. – Неловко соврал он.

– Какого караула? Утреннего?

– Да... Нет... Ну мы...

– Я понял. Вас четверо сегодня?

– Да.

– Ясно, послушай-ка мой приказ, добрый человек. Выставьте у крыльца хотя бы одного человека и меняйтесь. В дом можете не заходить, черт с вами. Холодно, понимаю, но хоть один на посту должен быть. Если выйду, и хоть кто-то будет стоять на крыльце, то командир ничего не узнает о произошедшем недоразумении. Ясно излагаю?

Стражник энергично закивал и побежал назад в конюшню. А для меня все только началось. Я зашел в дом и сходу направился в комнату, где почивал Веллес. Пока стражники, хорошенько переругавшись, решат, наконец, кому первому выходить в караул, я уже успею все проверить.

Старик неподвижно сидел у огня, как обычно.

Я не стал ничего говорить, даже не поприветствовал его. Просто очень быстро прошел от дверей к креслу, где он сидел. Старик, при этом, не успел даже обернуться, чтобы поздороваться. Я со всей силы ударил ногой его посох. Тот вылетел из рук немощных старика и приземлился где-то в дальнем углу комнаты. После этого, я одним резким движением вогнал ему короткий кинжал в горло по самую рукоять. Я резко выдернул лезвие из горла и тут же приложил свой посох к ране.

Надо сделать так чтобы кожа снаружи затянулась. Осознаю, что это очень жестоко. Я обрекал старика на страшные мучения, но нельзя было оставлять следов. Дело было сделано довольно скоро, на пол успело вылиться совсем немного крови. Ее вряд ли заметят.

Веллес, размахивая руками, беспомощно сполз на пол и начал хрипеть, закашливаясь собственной кровью. Он ошарашено хватал воздух окровавленным ртом. Без посоха он окончательно потерял возможность видеть и просто шарил руками вокруг себя в тщетной надежде

наткнуться на металлический шест. Он сумел побороть инстинкт и не пытался схватиться за горло, вместо этого он, зачем-то сорвал с глаз повязку и держал теперь ее в руке.

Я нашел глазами его посох и убедился, что у старика слишком мало сил для того чтобы доползти до него. После чего переложил свой посох в правую руку, а левой достал из ножен меч. Такую стойку практиковали в Братстве. При встрече с Кошмаром защититься можно было исключительно с помощью чудес. Но и меч бросать не стоило. Иногда Кошмар сводил с ума людей, которые попадали под его влияние, поэтому холодное оружие было не лишним.

Веллес практически лишился сил, но силился что-то сказать. Мне было искренне жаль его, возможно честнее было убить его на перевале, но я слишком долго гнал от себя мысли об убийстве, и теперь все вышло так, как вышло.

Наконец, он поднял вверх руку, будто стараясь дотянуться до предмета, которого не мог видеть. Он неожиданно повернул голову и посмотрел на меня тем, что осталось от его глаз. И я бьюсь об заклад, что он меня при этом видел. Он слабо улыбнулся и на выдохе сказал: «Случилось». Рука его задрожала и обмякла. Веллес рефлекторно в последний раз попытался вдохнуть, но воздух, клопоча, застрял в его горле.

Что ж, для него все кончилось, для меня же все только начинается. Я встал в стойку и стал прислушиваться к своим чувствам. То, к чему меня готовили всю жизнь, должно случиться прямо сейчас. Братья должны защищать этот мир от Кошмара любой ценой. Даже их собственная жизнь ничего не стоила. Сейчас я должен был ослабить влияние Кошмара на Митарр. Много лет назад братья разработали практики, которые сочетали в себе чудеса клириков, перемещение предметов и иллюзии. Чудесами клириков мы уменьшали влияние кошмара на мозг тех, кто подвергнется его влиянию. Таким образом, мы сохраняли рассудок хотя бы части людей. Одновременно, мы заставляли все предметы вокруг стать значительно тяжелее. Те, кого не уберегли чудеса клириков, нередко хватались за вилы и убивали родных. Но схватить вилы, которые весят как повозка, практически невозможно. И, наконец, мы создавали иллюзию полного благополучия. Человек слышал голоса, чувствовал иррациональный страх, но видел что все в порядке. Мы не боролись с Кошмаром напрямую, потому что не умели. Но мы старались спасти от него невинных людей.

В комнате установилась мертвая тишина. До того в камине потрескивал огонь, над головой под весом снега поскрипывала кровля, а холодный ветер завывал в ставнях. И в одну секунду все это стихло. Все звуки покинули этот мир. Я знал, что любой человек в радиусе пары километров от этого места сейчас чувствует необъяснимый страх. Люди в квартале от этого дома сейчас испытывают наплыв жуткой необъяснимой тоски и отчаяния. Именно так в наш мир приходит Кошмар.

Я сжимал в руках посох и творил защитные чудеса, стараясь уберечь свой разум и весь этот город от Кошмара. Вдруг меня едва не сбил с ног резкий удар горячей воздушной волной. Такая бывает в кузнице, когда слишком резко открывают печь. Огонь в камине тотчас погас, все свечи в комнате потухли. Очень сильное проявление Кошмара. Прямо сейчас я бы потерял рассудок, если бы не использовал чудеса.

Я слышал голоса, тысячи голосов доносились до меня со всех сторон. Я не мог разобрать отдельных слов, но, почему-то понимал, что все они осуждают меня. Все эти голоса принадлежат людям, что ненавидят меня, кто-то справедливо, кто-то просто так. Но все они сейчас здесь, я чувствую их ярость и гнев, направленный на меня. Оставалось лишь еще раз покорить себя за то, что не убил старика раньше. И тут очередной голос ясно зазвучал у меня в голове...

Я почувствовал, как наставник по рукопашному бою, старый Мисса, бьет меня ногой в живот. Стоял морозный день, а я очень некстати хотел в туалет. От сильного удара я согнулся пополам и припал на колени. Тут я в ужасе почувствовал, как теплая моча побежала по бедрам. Кто-то из ребят, стоявших вокруг, заметил это и закричал. Все начали смеяться и тыкать в меня пальцами.

Удушье, я чувствую, как что-то стягивает мое горло. Удавка, какой-то толстый северянин душит меня просто за то, что я «белый». От него воняет прогорклым вином, удавка скользит в его потных руках, а он все приговаривает, что скоты вроде меня должны сдохнуть.

Я все еще чувствую влагу на бедрах, стыд, удушье, и вонь. Как вдруг мне резко сводит болью ногу в районе бедра. Стоять невозможно, боль столь сильна, что кружиться голова. Я чувствую, что падаю на грязный снег. Вокруг меня кипит схватка, на нашу повозку напали разбойники. В ноге у меня красуется странная стрела с грязными, замызганными перьями на конце. Яд уже распространяется по крови, к боли примешивается ужас.

Тут вдруг в голове все начинает плыть, я чувствую тяжелую боль по всему телу. Лихорадка. Я лежу в большом доме на востоке. Я вижу красные занавески. Кто-то плачет надо мной. На моей, еще совсем маленькой руке, что покрыта болячками, намотана красная ленточка.

И тут кто-то берет меня за руку. Я поднимаю голову и вижу мужчину, лицо которого скрыто капюшоном, а на лицо намотан толстый слой ткани. Передо мной свеженасыпанная могила. В изголовье вбита палка, на которой примотана красная лента. Вокруг меня тысячи таких могил, и подле них очень много людей, все они стенают. Женщина несет к открытой могиле маленький сверточек с красной ленточкой. Она кричит, одурманенная горем. Женщина оступается и падает. Сверток падает на землю, и я вижу маленькую головку покрытую струпьями. Мои маленькие ручки покрыты шрамами, они остались от таких же гнойных струпьев. Чувствую, как по щекам текут слезы.

Укол в сердце. Вокруг меня ночной Терриал. Я ошибся, самый страшный провал в моей жизни. Какой-то мальчонка собирался продать нам «камни с надписями из гробницы Мирры Кошмарной». Естественно, никаких камней у него не было, их просто не существовало. Банда ребятни просто хотела завести нас в тихое место и обокрасть.

Я же по ошибке решил, что вышел на адептов. Первым же делом я вогнал кинжал в сердце черной фигуры ждавшей меня в переулке. Во все стороны с громкими криками кинулись маленькие фигурки. Я в смятении сдернул с фигуры капюшон, мягкое детское лицо, лет тринадцать. Мягкие усики под носом, густые брови домиком, рот, на уголках которого начала собираться кровавая пена, и большие, ясные глаза полные неподдельного ужаса.

Кошмар явно побеждал. Я собрал все свои силы и попытался хоть немного отогнать от себя до ужаса правдивые картины из моего прошлого. Я выкинул меч и ударил себя кулаком по лицу, как можно больнее. Почувствовав некий контроль над своим телом, я со всей силы прыгнул вперед. И ударился головой о подлокотник того кресла, в котором недавно сидел Веллес. Я, наконец, почувствовал боль. Настоящую боль. Наваждение немного отступило, я вернул контроль над потоком мыслей мечущихся в моей голове. Я сжал посох так, чтобы заломило в пальцах, и начал применять практики Братства.

Мне повезло, еще минута и Кошмар сжег бы мой разум. Я решительно творил настолько сильные чудеса, насколько знал. Моя душа истончалась так быстро, что я буквально ощущал, как жизнь покидает меня через посох. За ту минуту, что я боролся с Кошмаром, я потерял несколько лет жизни. Чудеса Братства забирают очень много душевной энергии, они считаются самыми затратными для души, отчасти посему эти практики и скрыты даже от взглядов «белых».

Наконец, Кошмар забрал то, зачем пришел, и его проявление начало слабнуть. Мне на секунду показалось, что тело Веллеса, немного дернулось, когда Кошмар отходил, но это просто иллюзия, такое просто невозможно. И в секунду, когда необъяснимый ужас покинул меня я, наконец, услышал звуки.

Слух, внезапно, вернулся ко мне. Я, наконец, услышал, как кричит и бьется в агонии Митарр. По всему городу выли собаки. Люди хлопали дверьми, выбегая из домов. Они в ужасе кричали друг на друга. На ратуше нескладно звенел колокол. Если бы меня не было рядом,

Кошмар утопил бы в безумстве весь этот город. Представьте целый город сумасшедших, разум которых забрал Кошмар.

Когда адепты совершили свой ритуал, частью которого стал Веллес, вся страна почувствовала на себе явление Кошмара. Но тогда влияние было обширным по площади, но не таким сильным. Сегодня же моя нерешительность чуть не погубила целый город.

Мысли в моей голове текли хаотично, но одна мысль назойливо стучалась в висках. Возможно, план адептов именно в этом и состоял. Что если внутри Веллеса каким-то образом сохранилась частица того ритуала, и сегодня она вырвалась в наш мир? Я думаю, что мне просто повезло. Очень повезло. На моем месте должен был быть кто-то другой. Совет должен был отправить с Веллесом кого-то намного более искушенного, чем я. Сегодня Братство ошиблось, но им повезло. Они неудачно бросили кости, но я смухлевал, сам не зная как.

Я подобрал с пола меч, что выкинул в пылу своей борьбы с Кошмаром. Мне казалось, что я швырнул его через всю комнату, а на самом деле я лишь выпустил его из рук. На непослушных ногах я подошел к мертвому телу Веллеса и пронзил мечом сердце. План приведен в исполнение. Теперь, если возникнут вопросы, я просто скажу, что убил высохшего чудотворца и никак не ожидал, что произойдет что-то странное.

Сам я, ощутив, что дело сделано обессиленно осел прямо на пол, не обращая внимания на труп старика. Что ж мне будет, что рассказать Братству по приезду. А присутствие Кошмара во мне? Я знал множество ментальных техник, чтобы не пустить его в свою голову, но он проник в меня и захватил сознание без особых препятствий. Он протащил мое сознание по самому сокровенному и болезненному, мои конечности до сих пор вполне реально болели от той фантомной боли, что я перенес.

Такого я еще никогда не встречал. Я вспотел, как от лихорадки, тело понемногу наливалось тяжестью. Шрамы от перенесенной в детстве Хвори давно зажили, но сейчас они болели, будто нарывы только вскрылись. Проведя руками по волосам, я увидел, что в ладони осталась добрая половина моей шевелюры. Такова была цена спасения города. Цена того, что я был слишком мягкосердечен на перевале.

А тело Веллеса так и лежало неподалеку, естественно неподвижно. На его лице навсегда замерла улыбка. Старик, что же тут произошло? Что ты от нас скрыл?

11. Джесс

«У жителей Митарра есть удивительная традиция. Ей всего несколько лет, но она строго исполняется всеми жителями без исключения. Так вот, во время радостных зимних торжеств жители Митарра находят время для того чтобы отправить довольно причудливый и печальный обряд. На четвертый день торжеств все жители города одеваются в черные одежды и выходят на западную стену внутреннего города. Там каждый житель зажигает особую свечу, и, когда та почти догорает, они кидают ее в ущелье. Из-за этого, со стороны подъездных дорог, кажется, что из внутреннего города в ущелье падает настоящий огненный водопад. Этот ритуал – дань памяти беженцам Терриала, что были убиты по приказу Столицы. В этот день принято отказываться от еды и выпивки. Все заведения города закрыты. Жители города проводят вечер того дня в кругу родни избегая шумного веселья. Северяне помнят об этих невинных жертвах, и будут помнить всегда».

Гавлан Тоур «Путь через перевал»

852 год со дня Возрождения. Терриал.

– Что принес? – сказал косматый парень с грязным лицом.

Я молча достал из под рубахи большой кусок горелого хлеба.

– Ого! – косматый присвистнул. – Что хочешь?

– Обувку. Теплую.

– Одну пару?

– Две. Еще детская нужна, сестренке.

– Тогда мало.

Я молча достал из-за пояса два неудачных, но довольно больших кренделька.

– Идет.

Парень жадно схватил хлеб и крендельки. Он втянул носом запах горелого хлеба и скрылся за решетчатой калиткой. Я прождал добрых десять минут, пока он, наконец, не появился. Мне уже начало казаться, что меня снова обманули. Но косматый был мне кем-то вроде верного товарища, и обходился со мной довольно честно. Здесь, в Терриале, часто обманывали, сам косматый не редко брал что-то у других и бесследно терялся за оградой со всем, что успел прихватить. Меня он жалел, может потому что наши отцы когда-то были друзьями, не знаю.

Хотя, косматому повезло куда больше, чем нам – его отец хотя бы вернулся с войны, пусть и не целиком. Мой же отец не вернется домой, и уже никогда, проходя мимо обеденного стола, по привычке не потреплет меня по голове своей огромной рукой. Так, стоп! Нельзя впускать воспоминания в голову! Те, кто часто вспоминают мертвых, быстро к ним присоединяются. Таковы правила этого города.

В этот момент косматый, к моей радости, вынырнул из-за ограды. К счастью, он не стал изменять что-то в правилах нашего обмена. Он огляделся по сторонам и быстро сунул мне в руки здоровые мужские ботинки и маленькие детские валеночки. Я осмотрел ботинки, вполне целые, только очень большие. Это не беда, напихаю тряпок и спокойно отхожу эту зиму. Валенки же выглядели немного странно, были в каких-то желтых подтеках. Я поднес их к носу и втянул запах. Так и есть – несвежая мертвечина.

– Прости. Ничего лучше не смог найти. Все облазил, это самое лучшее что есть. – Сказал косматый, запуская грязную пятерню себе в волосы.

– Зимой главное наличие обувки, а не ее запах.

– Правильно мыслишь, друг. Мы с тобой непряхотливые, жизнь таких любит. Надеюсь, мы с тобой увидим первые почки на деревьях в следующем году...

– Надеюсь, увидим.

Мы молча пожали руки, и каждый отправился своей дорогой. Косматый юркнул за ограду, а я, крепко держа обувь в руках, побежал по улицам Терриала в сторону дома.

Я не оглядывался назад, не люблю кладбище. Слишком уж часто я тут бывал за последнее время. Первым нас покинул отец. Тот погиб во время восстания. Тела, естественно, не было. Хоронили всех мужей города разом, весь город собрался у огромной могильной плиты, под которой на самом деле никого не было. Но все мы плакали над этой могилой. Она была ничьей, но при этом в ней лежали тысячи мужей, отцов и сыновей.

Чертова Столица! Разве мы так многого хотели? Наши поля, и без того не самые благодатные, уже несколько лет к ряду почти не давали всходов, словно нашу землю кто-то проклял, и теперь мой край медленно умирал в нищете. Сытые времена давно остались позади. Но я даже не знаю что это такое. Я родился в мрачное время «Великого неурожая», и, разумеется, не помнил тех славных времен. Поэтому только по рассказам родителей знал, что когда-то вообще были эти самые «сытые времена».

Спустя несколько неурожайных сезонов, страдающий от лишений народ не выдержал столичных поборов, и взмолился. Мы просили Столицу отменить налог. Хотя бы на время. А те, в ответ, ввели сюда армию. Грязные, мытые ублюдки! Надеюсь, перед смертью отец многих из них отправил на тот свет прямо перед собой. Он ведь был крепким мужчиной, всю жизнь работал на земле. Помню его широкую фигуру с копьем в руках на пороге. В то утро мы провозжали его на пару дней, но больше нам не суждено было встретиться.

Никто не верил, что дойдет до открытой схватки. Из Столицы прислали большую боевую дружину. Говорят, ее перебросили с востока, где мародеры до основания растаскивают истощенный Хворью Хадилхат. Мы думали, что «белые» просто хотят надавить, и армию они притащили только для устрашения. Поят в поле, покрасуются доспехами, а потом сядут высокие лбы за стол, да договорятся о чем-то. Справедливо, чтобы ни нашим, ни вашим.

Но не было никаких переговоров, эти жадные ублюдки сразу начали убивать наших отцов, которые не так много и просили. Представляете? Они направили в атаку на землепашцев и ремесленников закаленные в бою подразделения.

Это была резня. По-другому не назвать.

Постоянная армия, с огромными потерями, но все же подавила восстание. Еще бы, ведь им помогали эти мерзкие ходячие мертвецы – «белые». И никакой пощады моему народу не было. Уже скоро войска Столицы стояли на каждом углу. Эти козлы перебили всех мужчин, а теперь безнаказанно забирали остатки нашей еды. И некому было им перечить, в городах остались только женщины, да дети.

А ведь в честном бою запад бы обязательно победил. Ведь в первые дни наши отцы даже выбили столичные войска из самого Терриала, при Велькуре восставшие сумели отбить первую волну и город встал осажденным, а в Дернау даже сожгли несколько кораблей столичного флота.

Помню, как по центральной площади Терриала протащили на веревке за лошадью столичного командира. Высокий лорд Лиас стонал и плакал как баба, когда толпа терзала его. Профессионально насаженный на кол он еще несколько дней стонал и молил убить его.

Вот тогда-то из Столицы и прибыли «белые». Они-то и расправились с западом. Но просто победы им теперь было мало. Они хотели нас истребить. Тысячи семей остались без отцов. Тысячи голодных ртов и это в годы неурожая. «Белым» плевать, они забрали положенную им дань и теперь, с чувством выполненного долга, хотели покинуть Терриал.

Но запад всегда возвращает долг. Во время летнего праздника урожая в городскую ратушу заманили всех высоких шишек из Столицы. Ратушу закрыли снаружи и сожгли всех этих гадов заживо. В этом пожаре сгинули: главный среди «белых» по вопросам запада,

несколько высоких лордов, профессионально целовавших его в зад, и наследник северного престола. Горело красиво и ярко.

Но ответные меры Столицы были воистину нечеловеческими. Мы и не догадывались, что произойдет дальше. А начались судебные чистки. Но не по справедливости, а для травли. Если ты в день, когда горела знать, сморкался рядом с ратушей, то тебя казнили как соучастника. Это был настоящий произвол.

А запад не терпит произвола и одной ночью терпение лопнуло. И, без того сломленный народ, снова схватил в руки оружие. Мы называем ту ночь «Той самой» и стараемся о ней не вспоминать. Столичные мрази зовут ее «Ночь пожаров». У них даже есть награда с таким названием, специально для тех, кто истреблял мой народ.

Трое моих старших братьев потерялись в ту ночь. До сих пор не знаю их судьбу, но скорее всего они вступили в бой и погибли. Меня спрятали в речном порту родственники отца, хотели отправить кораблем в Митарр. У народов севера и запада одни предки, у каждой семьи с запада есть родственники на севере и наоборот.

Я не сумел попасть на корабль, на пристань как раз ворвались солдаты. А мать и одна из моих сестер смогли. Тот корабль ушел в Митарр и был сожжен со всеми пассажирами по прибытию. Но это я узнал много позже. Самую старшую из моих сестер солдаты утащили в казарму. Она вернулась через четыре дня и следующей же ночью повесилась на лагах в гостиной.

Лишь северяне помогли нам. Если так можно сказать. Напрямую никакой помощи от них мы ждать не смели, ибо в том памятном пожаре в ратуше умер наследник их престола. И пускай северный престол уже много лет был не более чем формальной должностью, но на севере почитали и уважали своего собственного монарха.

И все же связи меж нашими народами были крепки, и даже нанесенная обида не разорвала их. Северяне перешли через перевал и большим войском направились на Столицу. Формально их на восстание побудил приказ Столицы жечь корабли с мирными жителями, идущими к Митарру с запада. На самом же деле это была последняя попытка севера вернуть себе независимость. Позже их предприятие назовут «Кровавый поход». Как бы то ни было, благодаря этому, действующая армия и эти скользкие мертвецы-чудотворцы побежали защищать свою проклятую Столицу, оставив запад в покое.

Они исчезли за четыре дня. Бросили все, что не представляло ценности и ушли. А Терриал просто бросили на милость огню. Город стоял наполовину разрушенный, в нем бушевало множество пожаров, и их просто некому было тушить. Запасов провизии у нас не было. Все мужчины либо уже лежали в земле, либо остались калеками, которые сами не знали, зачем им дальше жить. Именно тогда в городе появились первые высохшие. Бродяги без разума бесцельно шатающиеся по городу. Некоторые из них по старой привычке заглядывали в охваченные огнем дома и, словно живые факелы, выходили из них и разносили огонь дальше, если тот не сжигал их тело достаточно быстро.

От моей большой семьи остались только я и две моих маленьких сестренки. Сначала мы страшно голодали, а потом я наловчился таскать все, что плохо лежит, тем и питались. Но первой зимой стало совсем тяжко. Начался голод, а затем и мор. Горести и лишения иссушали людей. Той зимой Терриал принадлежал сухим. Сухим и бродячим собакам, что сбивались в стаи и нападали на потерявших разум людей. Их изъеденные тела так и оставались на мостовых никем не упокоенные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.